

Юлия Нифонтова

ШИЗА 1+2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Нифонтова

Шиза

«Автор»

2009

Нифонтова Ю. А.

Шиза / Ю. А. Нифонтова — «Автор», 2009

Книга состоит из двух частей: «Шиза. История одной клички» и «Шиза в квадрате». Героиня повести студентка художественного училища Янка обнаруживает в себе грозный мистический дар. Это знание, отягощённое неразделённой любовью, выбрасывает её за грань реальности. Девушка может существовать в двух мирах, и с ней постоянно происходят удивительные необъяснимые события. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Нифонтова Ю. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 2. Преступление	12
Глава 3. Домой!	19
Глава 4. Жэ.Пэ.О.	23
Глава 5. Не читайте, дети, на ночь!	28
Глава 6. Чувство локтя	31
Глава 7. Дух общаги	38
Глава 8. Слезы Деда Мороза	43
Глава 9. День влюблённых	51
Глава 10. Ах, мамочка, зачем?	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юлия Нифонтова

Шиза

Часть I

Шиза. История одной клички

Глава 1. Солёное озеро

*Бойся своих желаний,
ибо они могут исполниться...*

Янке нравилось её имя. Казалось, произнеси несколько раз вслух: «Яна, Яна, Яна...» и почувствуешь на языке лёгкий холодок, как от мятной конфеты. Но ей всегда хотелось иметь кличку. Не банальную и грубую как «толстая», «рыжая» или «очкастая», а прикольную, как у Вовки-Гильзы, Ленки-Червонной, Сани-Кандагара.

Янка была уверена, что в дворовом братстве заключается настоящее счастье, коего она была лишена. Со жгучей завистью наблюдала Янка за сверстниками, что кучкуются по подъездам и верандам детских садов. Её манили гитарные переборы и громкий смех в неизменном сигаретном дыму – атрибуты тайной, недоступной жизни. Не раз представляла она себя в окружении отважных, дерзких друзей, готовых для неё на любые подвиги и авантюры. В навязчивых мечтах виделось ей, что она так же, как стерва-Червонная, в бесстыже короткой юбке восседает на коленях у самого неотразимого парня, а тот жадно целует её у всех на виду. Но, увы! Расписание Янкиной жизни было столь насыщенным, что поздно вечером, после художественной школы, ей едва хватало сил расправить постель. Даже в выходные под тотальным контролем матери Янка металась между репетиторами и бесконечными домашними обязанностями.

Вероятно, Янке удавалось мастерски внушать окружающим, даже таким искушённым, как мама Ира, что образ послушной отличницы и есть настоящая она – Янка. Поэтому, веря в несокрушимую дочкину нравственность, мама Ира отправила её одну (!) в курортный посёлок Ярцево на Солёное озеро для лечения начинающегося гастрита. Ах, если бы легковерная мамочка видела дочь, курящей на пустом стадионе в компании изрядно поддатого рецидивиста Паровоза, в то время когда все хорошие девочки уже спят!..

В Ярцево Янка завела себе разбитную подружку из местных Светку-Сетку. Обзавестись такой знакомой можно было только от невыносимого одиночества. При всей недалёкости Сетка была доброй и милой. Ведь именно она первой заговорила с Янкой в местном кинотеатре. Одним из главных, сразу отмеченных достоинств, было то, что новая подружка намного толще и некрасивее самой Янки.

Сетка была чрезмерно легка в общении не только с приезжими девушками, но и со всем мужским населением посёлка и близлежащих деревень. Её сексуальный аппетит оставил далеко позади некоторых кроликов из местных ферм, включая их диких сородичей. Если перечислить всех с кем Сетка «дружила», как она это называла, за последний месяц, то выходило по несколько мужских особей в день. Несмотря на то, что была неизменно бросаема всеми «женихами» сразу после акта «дружбы», никогда не сдавала своей «активной жизненной позиции». Поселковые девушки, дорожа чистотой репутаций, даже близко к ней не подходили.

Но именно Сетка стала единственным человеком из Ярцево, не считая местного уголовного Паровоза, обратившего на Янку сочувственное внимание. Ходить с ним по улицам было стыдно, руки Паровоза были изукрашены синими чертями, к тому же посёлок был в курсе основных этапов его «героической» биографии. Хотя вёл себя Паровоз благородно, давал сига-

реты и сопровождал на ежевечерние курительные процедуры. Друг он был неподходящий – скучный: то многозначительно изображал мудрого наставника, то впадал в раж и клялся отомстить кому-то ... жестоко!

Сетка была Янкиной ровесницей, но выглядела старше лет на десять. После получасового знакомства Янка решила переехать к новой подруге от бабуси, у которой снимала угол, соседствуя с множеством назойливых перелечившихся тёток. Обрадовавшись, что Янка не собирается забирать уплаченные вперёд деньги, хозяйка муравейника не проявила к её уходу никакого интереса. Трёхкомнатная квартира в районе новостроек после бабкиного лазарета показалась дворцом.

Было лишь одно маленькое недоразумение – экзотический Сеткин папаша. С внешностью Хемингуэя, по убеждениям – хиппи и пацифист. Весь день он неотрывно наблюдал за жизнью мутного аквариума, видимо, обдумывая продолжение повести «Старик и море». Активизируя процесс медитации огненной водой без закуси, седой классик неизменно падал набок вместе со стулом.

У Сетки можно было всё! Можно всю ночь не спать, обсуждая крамольные темы, можно было курить на балконе, задирая проходящих парней, допивать у пребывающего в Нирване старика Хэма остатки водки и вообще не ходить на опостылевшее, кишачье прокажёнными Солёное озеро. Весь вечер, в предвкушении необычных приключений девушки красились, как стареющие трансвеститы перед последним в жизни конкурсом красоты.

Ближе к ночи, когда внутри томительно загудели струны авантюризма, Сетка предложила догнаться чифирём по завещанному предком рецепту. У Янки от первого же глотка всё внутри завязалось морским узлом, но потом по телу пошла размягчающая волна. Допивая кружку вязкого чёрного зелья, она услышала вдали океанский прибой, гортанные крики чаек, и прослезилась от умиления, увидев седого классика в обнимку с оранжевой акулой, умиротворённо улыбающихся во сне...

Девушки, как голливудские кинодивы, плыли по ночной аллее. Сутулые фонари, подобострастно кланяясь, бросали свет им под ноги. Янка нисколько не удивилась, когда Сетка тормознула белую «Волгу». И даже не сменила звёздного выражения лица, когда подруга залезла в открытое окно машины по пояс.

После недолгих переговоров Сетка поманила Янку рукой и они, в радостном возбуждении, плюхнулись на заднее сидение. Янка была совершенно уверена, что два взрослых парня давние Сеткины знакомые, ведь они так по-приятельски оживлённо что-то обсуждали. Пребывая в состоянии счастливого отупения, Янка не удивилась, когда водитель поинтересовался, как их зовут.

– Снежанна*... – томно ответила Сетка. /**Снежанна – в тексте намерено употребляется искажённый вариант имени Снежана, для усиления характеристики персонажа (авторск.)**/

И Янка вновь не удивилась, потому что в тот момент искренне поверила, что Снежанна – это уменьшительно-ласкательный вариант от русского-народного – Сетка. Янка смотрела со стороны увлекательный фильм, а в кино не принято нарушать сценарий. Уже с десятков раз повторенная аборигенами фраза «Ну чё, девчонки, скучаете?» казалась ей уместной и остроумной.

Белая ладья всплыла в рощу недалеко от посёлка, спугнув светом фар несколько голозадых персонажей, промелькнувших, словно в кадрах случайно включённой при гостях порнушки. Не сговариваясь, Сетка с белобрысым юношей, переполненные энтузиазмом и взаимопониманием, вышли из машины, чтобы умножить ряды любителей общения на природе.

Янка осталась наедине с не менее жизнелюбивым водителем, представившимся весомо – Вадя. Отработанным до автоматизма движением Вадя вынул из-под сидения бутылку дешё-

вого винища, а из бардачка размякшую шоколадку. Вдруг, ясно осознав все его дальнейшие намерения, Янка на несколько секунд окаменела. В голове, как вагоны опоздавшего товарняка, пронеслись покаянные мысли: «Всё!.. Допрыгалась. Сама виновата. Дура! А если я от него залечу?! Какая мерзкая харя! Наверняка сифилитик и презервативов сроду не видал... А вдруг у него СПИД?! Господи, помоги!» Пытаясь изо всех сил скрыть страх, Янка, натужно улыбаясь и пила из липкого стакана противную кислятину.

Вопреки её робким надеждам, война началась слишком быстро. Янка сражалась, как дикая кошка, защищая от вторжения свой ареал обитания. Несмотря на изорванную одежду и отлетающие пуговицы, она довольно долго держала достойную оборону, как выяснилось позднее, против бывшего десантника. В пылу сражения, впиваясь ногтями в то, что с трудом могла бы назвать лицом, Янка орала, что запомнила номер машины, что разобьёт окна в его проклятой тачке, что посадит его на пожизненный срок, потому что её папа генеральный прокурор в законе. Вино щедро лилось по задранной юбке в босоножки.

Случайно Янка упёрлась локтем в сигнал на руле. Пронзительный гудок огласил ночь. Из темноты вынырнули полураздетые испуганные Сетка с ухажёром. Бывшая Снежанна решительно дёрнула дверцу машины и оттуда выпала истерзанная, но не побеждённая Янка.

– Вадя, ты чё, а? – тупо спросил более удачливый любовник, успевший насладиться благосклонностью правильно выбранной дамы. Воспользовавшись заминкой, Янка без оглядки рванула к трассе в кромешную тьму.

– Куда?! Стой, шиза бешенная. Подвезу, чё уж там... – выкрикнул ей в спину темпераментный владелец белой «Волги».

– Да чтоб ты сдох! Сдох! Сдох вместе со своей поганой машиной! – проорала Янка в истерике, обильно фонтанируя слюной и слезами, не прерывая стремительного шага в сторону, где драгоценными огнями мерцал посёлок.

«Сеткина квартира на первом этаже. Дверь никогда не запирается. Можно перелезть через лоджию» – мелькали в Янкиной голове короткие SMS-ки от Ангела-спасителя. Её одинокое сопение в ночи нарушила запыхавшаяся Сетка в сопровождении своего кавалера, которого, пикантно грассируя, называла Сер-р-рым. Она беззаботно сообщила, что Вадя распахивался, уехал в неизвестном направлении, а их с собой не взял, сейчас зайдём в ночной «комок», где Сер-р-рый купит бодрящего напитка, и продолжим гудеть у неё. О том, что произошло с Янкой, никто из двоих так и не спросил, не то от врождённой деликатности, не то от головокружительной перспективы, ведь впереди у них была ещё целая ночь большой и тёплой любви.

После бурного свидания захламлённая квартира показалась Янке уютным и безопасным убежищем. Неожиданно обнаружилось, что с дачи вернулась Сеткина мама. Однако кроме Янки это обстоятельство никого особо не смутило. Компания расположилась в несвежей и многоопытной Сеткиной спальне.

Обрушив на себя в ванной горячий тропический ливень, Янка пыталась смыть преследующий запах ненавистного автовладельца и его не менее ненавистного автовладения. Но, так и не сумев справиться с навязчивым запахом и необъяснимым чувством вины, девушка рухнула на короткую кровать.

Предназначение странной, почти игрушечной кровати в грешном алькове так и осталось бы загадкой, если бы позднее не выяснилось о существовании маленькой Сеткиной дочки. Девочке было полтора годика, и она месяцами лежала в больнице одна. Дочь болела слишком часто, а её сексуальноактивная мамаша не могла позволить бурлящему потоку жизни пронести свои мутные воды мимо.

Но забыться в исцеляющем сне Янке долго не давали истошные звуки акта любви с первого взгляда, творимого на противоположной кровати. Рассохшееся ложе страсти жалобно скрипело, деревянная спинка билась об стену в горячем африканском ритме. Пантагрюэлевские тени от задранных Сеткиных ног дрыгались на потолке. Сетка, изображая из себя героиню

эротических фильмов, томно постанывала и шептала Серому, что он почти первый и единственный мужчина в её биографии. Порой, забываясь, переходила на визгливые откровенные нотки, а, опомнившись, вновь принималась охать и ахать эстетично, как в кино. Серый проявил себя по-стахановски упорно и на глупости не отвлекался. Янке страшно хотелось в туалет, но она не могла нарушить ответственный, производственный момент.

Угомнившись лишь под утро, любовники ещё долго шумно ворочались, храпели и выпускали газы в праведном сне людей, выполнивших свою нелёгкую, но такую необходимую стране работу. Под натруженной кроватью, рядом с пустыми полторашками из-под пива сиротливо белел крохотный сандалик...

Очнувшись ближе к полудню, Янка ожидала от Сеткиной мамы грандиозного скандала, примеряя ситуацию на свою семью. Реакцию Янкиной мамы на появление пьяной дочери с хахалем посреди ночи даже представить страшно. Это было бы что-то напоминающее картину Сальвадора Дали «Предчувствие гражданской войны». Вместо этого с кухни доносился мягкий малороссийский говорок, призывно стучала посуда, шаркали тапочки, включался и выключался кран.

К вечеру заявился Серый, но, вопреки ожиданиям, не для того, чтобы продолжить трудовой почин. В этот раз Серый соответствовал своему имени – он был совершенно серый, особенно губы. Заикаясь и тормозя, он лепетал нечто несуразное.

После продолжительных наводящих вопросов девушкам удалось выяснить, что погиб Вадя. Утром его обнаружили в Солёном озере в затонувшем автомобиле. Сетка, икнув, придавила губы обкусанными ногтями с ядовито-зелёным маникюром и строго, со значением посмотрела на Янку. В голове у Янки сразу же всплыли её злые вчерашние пожелания Ваде, чтоб тот сдох, да ещё и вместе со своей поганой машиной.

Отрывки Янкиного дневника

Сухо хрустят под детскими валенками сухарики снега. Тяжело возвращаться со второй смены с портфелем набитым пудовыми гирями. Да ещё в подъезде темнота, хоть глаз коли.

Я нетерпеливо жму на звонок, ещё, и ещё... Молчание. Никто не спешит впускать в квартиру голодную, замёрзшую второклассницу. Стоять в крошечной темноте становилось страшновато. Кажется, что кто-то сверлит мне спину злоеющим взглядом.

Вдруг, сверху послышался приглушённый, хриплый вздох. Не издав ни звука, я в панике несусь вниз. Остановившись на последнем лестничном пролёте, уже почти у самого выхода, осторожно нащупываю ногой темноту. Что там внизу, последняя ступенька или уже пол? ...И тут, холодея от ужаса, явно ощущаю, что в мою спину упёрся чей-то палец. Замерев на долю секунды, я пулей вылетела из подъезда, забыв о том, что только что боялась споткнуться в темноте.

Опомнившись только на улице, я отважно открыла настежь двери подъезда, пытаюсь разоблачить «преступника». Но одинокий, тусклый фонарь высветил совершенно пустой подъезд. С печальным скрипом, одна за другой захлопнулись двери.

Я сидела на скамейке в полном оцепенении, тупо уставившись на свою тень. Меня трясло от страха и холода. Между лопаток по-прежнему ощущался толчок невидимого пальца.

В ужасе, я почувствовала, что на моей голове шевелятся волосы. На тёмном пятне тени от головы медленно поднимались вверх два острых бугорка. Сомнений не оставалось: у меня растут рога! Они чётко вырисовывались двумя изогнутыми треугольниками. И самое страшное, что я ощущала их рост, это леденящее душу движение из черепа, раздвигающее волосы и петли вязаной шапки. Помню, что медленно подняла руки к голове, и ладони наткнулись на два бугорка.

– Яна, что голова болит? Ты, почему не дома? Где ключи? – к дому торопливо шла мама.

Я с ужасом представила её реакцию на рогатую дочь. Горячая волна, обдавшая меня при этой мысли, помогла вернуть рукам чувствительность. Я вдруг осознала, что сжимаю мягкие балаболки: «Как же я могла забыть о них? И ключи лежат на дне портфеля. Я даже и не вспомнила, привыкла, что дверь всегда открывает мама».

– Мамочка, как хорошо, что ты пришла! Как хорошо!

Тогда мы ещё любили друг друга... но это было очень-очень давно...

На обрыве над озером ветер, казалось, дует со всех сторон. «Это хорошо, – думала Янка – меньше мутит. Но зато плохо, что мозги от холода проясняются – считают очки не в мою пользу. Ведь такое уже не в первый раз! Вспомнился рыжий пацан, постоянно дразнивший Янку в школе – схоронили в прошлом году. Математичка Галина «Падловна», что заставляла снимать золотые серёжки – подарок бабушки – и грозила оставить на второй год. И ещё, и ещё... Всем им я желала смерти – и они мертвы. Теперь Вадя. Кто следующий?»

Продирал озноб. Сколько не сиди на берегу, а события последней ночи гнали в укрытие, какое-никакое, а всё же лучше чем на улице. По дороге, к Янке пришло ещё более страшное воспоминание. Однажды, в пылу праведного гнева, который случался у мамы Иры по десятку раз на дню, родительница, раскалив страсти до той точки, после которой обидчика убивают, сообщила, что когда долгое время не могла забеременеть, папочка предупредил: с бесплодной жить не будет. Мама Ира в обиде на Господа отчаялась взывать к равнодушным небесам и обратилась в «учреждение» этажом ниже к Самому – руководителю Преисподней. В результате на свет появилась Янка – подарок от Лукавого. Тираду завершала дежурная фраза, что по досадному недоразумению мамочка не задушила исчадие ада, пока оно, то есть Янка, ещё помеща-

лось в коляске. «Похоже, на бред. Почему умирают люди, которых я ненавидела и желала им смерти, а ведь многих из них я едва знала?»

В мрачных размышлениях Янка почти подошла к гостеприимному Сеткиному борделю и почувствовала острое отвращение к этому месту и его обитателям. Но обратный билет был взят только на завтра. До завершения лечебного курса оставались целые сутки, а значит, нужно было где-то перекантоваться. Неприятные воспоминания последней ночи не оставляли, как мелкий, бесконечный дождь. Перспектива провести ещё один познавательный урок о ночной жизни в заваленной грязным тряпьем Сеткиной спальне казалась невыносимой.

«Хоть бы случилось что-нибудь такое, чтобы я и думать забыла обо всём этом!» – с тоской мечтала Янка.

Глава 2. Преступление

*Найти всё сразу, невозможно;
всё сразу, можно только потерять...
Оскар Уальд*

- Девушка, девушка! У тёти Сеты зависаешь?
- ...а одна из них надела... – проникновенно вещал под гитару баритон с хрипотцой.
- Бедный ребёнок, тебя там ещё не фентифлюхнули?
- Спасайся бегством!
- Бесплезно, тётя Сета догонит и отбарабанит.
- Ты чего к ней прилепилась? Эт-ж отстой!
- Давай причаливай. По пивасу?
- ...завтра в школу не пойдём! – завершил песню на уверенной ноте баритон с хрипотцой.

Перед Сеткиным подъездом, вытеснив дневную смену пенсионеров, сидела ватага ребят с гитарой. Компания ровесников и возможность не возвращаться на коротенькую кровать – стало неожиданным чудом спасения.

Колесо времени закрутилось быстрее. Парни были очень симпатичные, особенно выделялись двое: задиристый, мускулистый Таран и утончённый, с замашками аристократа Игорь Гвоздев. Если бы изящного Гвоздева одеть в чёрную мантию, сменить дорогие очки в золотёной оправе на дурацкие круглые, на лбу нарисовать шрам в виде молнии, а белокурую шевелюру покрасить в радикально-чёрный цвет, то его невозможно было бы отличить от экранного воплощения популярного юного волшебника. Сходство усиливалось, когда он одаривал Янку долгим взглядом, изучающим добро и торжество Светлой магии.

Одна из девушек, – скромная Оля, вскоре ушла домой, зато не думала сиротить подопечных Шига – заводила и явный лидер. Сутулость и несуразность её фигуры скрашивало обилие бисерных «фенечек», колечек, разноцветных пряжей, замысловатых татушек, что, несомненно, причисляло её к высшей касте вождей-шаманов. Несмотря на то, что Шига не выговаривала половину алфавита, на язык ей было лучше не попадаться. Её задорный дворовый сленг с отважной картавостью-шепелявостью действовал завораживающе. Шига обладала ещё одним неоспоримым преимуществом – она имела собственный мотоцикл. Диалоги Шиги с парнями о технике напоминали Янке иностранную речь и внушали уважение.

Хотя давно стемнело, никто из ребят не торопился домой. Стало ясно, что ночные прогулки для компании естественны и привычны, чего нельзя было сказать о Янке и её домашнем карцере. Она не могла упустить возможность окунуться в запретную, вольную жизнь, о которой всегда мечтала. Ей было необыкновенно весело. Никто не наваливался на неё вонючей тушей, не рвал нижнее бельё, не смущал отвратительными подробностями интимной жизни.

Быстро закончились запасы пива, спрятанные от прицелов родительских глаз, рассредоточенных по наблюдательным площадкам балконов. Бренчала гитара. Худая Шига с грацией парализованного жирафа смешила всех нелепыми танцами.

- Музон-торчок!
- Не плющит без адреналина. Кирнуть бы для настроения.
- Ага, шаззз. Обломайся.

Выдержав театральную паузу, импозантно-загадочный Игорь Гвоздев сделал друзьям сказочное предложение, чем окончательно стёр зыбкую грань между собой и всемогущим иагом. У него дома был спирт! Предусмотрительная мама акушер-гинеколог предупредила сына, потерявшего её материнское доверие, что этот спирт пить опасно, он в доме для техни-

ческих целей, добавив для пушей убедительности, что в нём держали ампутированные органы. Но разве такие мелочи могут остановить настоящих искателей приключений?!

– Слышь, Гвоздь, в том спирту, поди, инструменты полоскали?

– Ах, оставьте сомнения, мисс! – с видом КВНовского балагура парировал Гвоздев. Общим единогласным решением спирт был признан годным к употреблению и изъят из наивной родительской заначки. Более того, напиток превзошёл ожидания – оказался неразбавленным.

Громко и радостно галдя, пересекая тёмные дворы, вся пиратская команда направилась из обжитой поселковой зоны в сторону корпусов кожного диспансера. Из стены одноэтажного строения, стоящего на отшибе, торчала ржавая труба с постоянно текущей холодной струйкой. Таран заговорщицким шёпотом сообщил каждому, что это морг, а водичка такая вкусная, потому что из-под синего Феда течёт.

– Это чево-о, в ней жмуrows обмывали?!

– Жалом не води, пей давай, за одно продезинфицируешься.

– Торкнуло?

– Закусывать будем курятиной – сообщила Шига и, закулив очередную сигарету, передала по кругу дымящуюся «закуску».

Толпой неустрашимых завоевателей вальяжно шествовали они по ночным улицам притихшего, напуганного посёлка. Мир лёг у загорелых ног «великого братства» не сопротивляясь. Янкино сердце распирала свобода.

...Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!.. Вдруг луна разбилась, и стало много лун! Пьяный, воздух, как ароматное лимонное желе, бери ложку и ешь!

...Теперь оправдываться поздно!.. Нет, нам никогда ничего не будет поздно!

...Посмотри на небо, посмотри на эти звёзды!.. Ах, какие звёзды – гирляндами висят над самой головой!

Ночное озеро приняло юных античных богов в тёплые объятия. Янка плыла обалдевшая, невесомая, а её широкая футболка пузырилась мерцающим облаком. На берегу, светя маленькими округлостями груди и ягодич, хохотала совершенно голая и смелая Шига. Братия, привыкшая к закидонам предводительницы, поглядывала на неё с интересом и плохо скрываемым смущением.

После ночного пляжа купание продолжилось в фонтане на центральной площади. Все спокойно выдохнули, когда Шига наконец-то оделась. Сгрудившись по-семейному, ребята докуривали последнюю сигарету, бережно передавая её друг другу. Особенно бодрило близкое расположение дежурного полицейского пункта, единственного освещённого здания в этом таинственном, запредельном мире.

– Мороженого хочу-у! Хочу мороженого-о! Дааайте, дааайте мне мороженого-о! Е-есть хочу-у, пи-ить хочу-у! Чево я курить буду? Ааа-ааа!!! – гнусавила Шига, заламывая руки, как актриса немого кинематографа.

В арке между домами призывно высвечивался в темноте ларёк с вывеской «МОРОЖЕНОЕ». Ни на минуту не задумываясь, с энтузиазмом, с каким только что ныряли в воду, герои решительно двинулись покорять так вовремя подвернувшийся «Эверест». Наличие рядом неусыпных стражей правопорядка добавляло пикантности.

От осознания героических намерений команды, Янкино сердце ухнуло вниз и медленно вернулось, но уже не таким беззаботным, как раньше.

– Эй, не тормози. Замёрзнешь! – деловито сплюнув, Шига пошла «на шухер», а весь её длиннорукий и длинноногий взвод направил усилия на борьбу с дверью.

Окна киоска были тщательно закупорены, а вот металлическая дверь казалась неприступной только на первый взгляд. Онемевшая Янка стояла и смотрела, как, уцепившись за верхний край двери, загорелые мускулистые парни с упорным сопением неотвратимо отгибают его всё сильнее и сильнее.

По плечам верных товарищей ловкий Таран взлетел наверх и встал на вывернутую часть двери. Упёршись спиной в верхний косяк, он стал ритмично качать дверь ногами, как на тренажёре, пока та не изогнулась самым уродливым образом, распахнув чёрную пасть. Юркнув внутрь и быстро обшарив полки, Таран стал передавать голодающим гуманитарную помощь: сок, блоки сигарет, упаковки жвачки, хрустящие пакетики с чипсами и орешками. Всё остальное было заперто на амбарные замки. Мороженого в ларце с сокровищами и вовсе не оказалось.

На Янку напал ступор, она не могла говорить, а только ненормально отрывисто хихикала. Её поражало всё: и та сплочённость действий, достойная коммунистического субботника, и то, что, оказывается, возможно голыми руками согнуть железную дверь, и то, что, не понижая голосов, компания, совершив только что невиданное по дерзости преступление, расположилась пировать в ближайшем соседнем дворе, совсем рядом с изувеченным киоском. Никто не убегал, не прятался, наоборот все громко, как на празднике, возбуждённо обсуждали случившееся, с удовольствием хрустели чипсами, дули сок, курили сигареты да ещё горько сожалели, что так и не удалось поживиться мороженым.

– Они его, наверное, на ночь в большой холодильник прячут, жилы рваные.

– Ну, а ваще будку классно бомбанули. Мне понравилось, – картавила Шига, – а чё, вместе сядем, вместе выйдем!

«Поразительно, как такая карга, виделась мне отважной пираткой Пеппи Длинныйчулок», – с отвращением думала Янка. Теперь Шига выглядела слишком худой, безнадежно испорченной и внушала ужас. Только Игорь Гвоздев, казалось понимал, что происходит. Он перестал балагурить и с тревогой поглядывал на Янку. «Наверное, подозревает, что я – слабое звено и сдам всех при первом же допросе» – объяснила себе Янка, поймав внимательный и серьезный взгляд Игоря.

Она не могла есть, только изредка мяла в руке пакетик с орешками, чтобы хрустом создавать впечатление сопричастности к общей весёлой трапезе. «А чем я, собственно, лучше? – проносилось в Янкиной голове, – Не зря я оказалась среди них, такая же преступница!.. Уйти. Сейчас же. К Сетке. Но обратная дорога идёт мимо ментовки, другой не знаю. А вдруг там уже спохватились? Да и как воспримут побег мои подельники?»

Тем временем, группировка, даже не приглушив брэнчание гитары, которую Янка уже ненавидела, направилась в сторону поселковых дач. Они пробирались в кромешной тьме сквозь густые кусты, шагали по чим-то грядкам, перелезали заборы с колючей проволокой. Всю дорогу Янку бережно поддерживал десяток надёжных, тёплых рук, что могут гнуть металлические двери. Задерживались лишь, чтобы под тусклый свет зажигалок нарвать мягкой малины или вишни, что казались Янке теперь одинаково безвкусными.

Наконец-то, у одной из дач ночной десант притормозил. Так как дом был двухэтажный, а дверь открытой, Шига постановила ночевать в нём. Сначала атаманша негромко, но требовательно спрашивала притаившийся домишко, нет ли в нём кого? Внутри были найдены и зажжены свечные огарки. На пол брошены матрасы, одеяла и куртки. Но самый удивительный подарок ждал на столе, где стояла двухлитровая бутылка самогона в сопровождении инструкции. Записка, нацарапанная крупным, старческим почерком гласила:

«Сынки, угощайтесь, только не ломайте ни чиво и пожалуста не пожгите!» Такая уж, видимо, у компании была планида – выпивка и закуска существовали друг от друга всегда отдельно.

Под восхищённые взгляды Янка пила вонючее пойло большими глотками, как спасительное лекарство, не чувствуя горечи.

«...Пить!.. Пить!.. Где я?! На поле битвы? Вокруг тела, тела ...Нет, вроде бы все живы – сопят, храпят, воняют.

...Вспышка!!! О, Боже! Мы же вчера киоск ограбили! ...Кошмар! Какой кошмар!! ... Ужас!!! Лучше бы совсем не просыпаться. Сдохнуть на этом грязном, чужом полу. Достойная смерть для такой конченной твари» – очнувшееся воображение рисовало картины, одну отвратительнее другой.

Р-раз, и доблестная полиция тщательно исследует место преступления. Овчарки, проявляя служебное рвение, взяли след.

Два, они во дворе, где жевались и распивались похищенными злоумышленниками продукты питания. Оперативная группа быстрого реагирования, ловко перемахивая заборы, окружает убогую «малину».

Три, и она – Янка, в синей робе с номером, обритая наголо, жалобно и тоненько скулит, растирая по лицу грязные разводья. Громадный, гориллоподобный полицейский, зверея, с размаху бьёт с хрустом, ломая ей нос. Холодные капли стекают по облупленным стенам карцера. Мамины глаза на суде: «Ты мне больше не дочь! Отказать ей в услугах адвоката!»

Но самое потрясающее своей жестокостью было то, что при таком раскладе, Янка напрасно выдержала огромный конкурс в художественное училище, столько волновалась, так радовалась поступлению... Разбился хрустальный замок. Дзинь... Она никогда не станет живописцем, никогда не пойдёт по улицам с этюдником, а красивые парни не будут приставать к ней: «Девушка, нарисуйте меня!», её картины не увидят выставочные залы, и сама она не будет курить длинные тонкие сигареты у собственной афиши в окружении бородатых авангардистов в вытянутых свитерах. Всё... Дверь камеры с лязгом захлопнулась, и Янка осталась вся в синих портах, изнасилованная пенитенциарной системой, с растоптанной карьерой Рафаэля, ограбившего ларёк.

Лежащая на Янкином колене рука Гвоздева с модными часами со светящимися цифрами отвлекли её от мрачных зарисовок тюремного быта. Половина седьмого утра! Янка подскочила. Окунув лицо в бочку с водой, стоящую во дворе, она с удивлением отметила, что те ночные дебри, через которые с трудом продирались их боевой отряд, отсутствуют. Где их только находили? Ветхое строение с открытыми настежь воротами стоит, как на ладони, да ещё и рядом с автострадой.

«Бежать! Прятаться!.. Нет! Сначала необходимо уничтожить отпечатки пальцев, стереть с отогнутой двери. А я ещё бралась за дверную ручку, когда помогала выносить коробки с соком. Ну, зачем я бралась за ручку?» – крутились по кругу вязкие мысли, а сердце глухо стучало в глотке: «Вдруг сейчас вылетит из-за угла толпа полицейских со сворой овчарок, и меня за горло – хватать... Ведь не успеют оттащить кобеля!»

По пятам преследовала несуществующая псовая погоня. Каждое твяканье случайной шавки заставляло сердце выпрыгивать и беспомощно биться пойманным мальком. Из всех сил, стараясь не переходить на бег, Янка неслась по предрассветному, ограбленному ею посёлку. По дороге она рвала пучки травы, чтобы было чем стереть отпечатки пальцев. «Главное не пораниться, ведь кровь на месте преступления – неоспоримое доказательство. Ещё повесят на меня нераскрытые убийства за последние десять лет. Под пытками-то во всём признаешься!»

Осторожно, из-за угла, Янка наблюдала за местом преступления. У киоска оживлённо совещались две полные женщины и энергично жестикулирующий старичок-дворник с обглоданной метлой. Обезображенная дверь была отперта. Дворник и одна из женщин удалились, возбуждённо беседуя, а вторая осталась хозяйничать в киоске, нагружая сумки и коробки теми товарами, которые в ночной спешке остались незамечены злодеями.

Янка забежала со стороны двери и судорожно протёрла дверную ручку. Дверь злорадно скрипнула, отомстив за поругание. Обезумев от ужаса, Янка рванула на парализованных ногах, не разбирая дороги.

«Бежать! Бежать! Домой, скорее домой, к маме, такой любимой, как никогда!!! Ну, что они все обо мне знают? Ничего. Только имя. Поэтому даже допрос мало что прояснит, – звенело в Янкиной голове. – Ой, у Сетки же есть мой адрес! Так что, если надо, менты из-под земли достанут. Справедливость восторжествует, как во всех оптимистических сериалах про следователей. И тогда решётки... наручники... позор...»

Янка то сидела на пляже, пряча глаза, то ей казалось, что за ней наблюдают, и она понуро брела в парк, беспрестанно оглядываясь. Вокруг суетились отдыхающие, озабоченные продуктивностью оздоровления, шла обычная курортная жизнь, казавшаяся теперь далёкой и бессмысленной. До поезда оставалось ещё три часа.

«Да, верно говорят, что безделье – мать пороков. Была бы делом занята, не влипла бы в это». Заметив, что два поддатых пролетария, отодвинув в сторону карты, демонстрируют ей явную симпатию. Обнажая пересортицу недоукомплектованных зубов, они явно готовились перейти к активным действиям, Янка поспешно направилась к Сетке: «Нет, хватит с меня санаторно-курортного лечения. Живой бы вернуться!»

В Сеткиной квартире было пусто, если не считать папашки, изрядно просветлённого уже с утра. Никто не маячил, не задавал лишних вопросов. Это счастливое обстоятельство не могло не радовать. Собрав вещи, Янка уже наладилась уходить, когда её взгляд наткнулся на красную записную книжку, валявшуюся рядом с запылённым телефоном. Решив вырвать из неё свой

адрес, Янка снова и снова перелистывала книжечку листок за листком: «Ну, я же точно помню, что Сетка именно сюда писала. Мистика какая-то!» Так и не найдя желаемых координат, Янка решительно сунула книжку в свою сумку: «В таком бардаке незаметна любая потеря». Пулей вылетев из подъезда, Янка нос к носу столкнулась с Шигой.

– Ссдоррофф! Ты чё свинтила? Мы, приколись, так оттопырились. Просыпаемся – ломы пудовые – передоз. Полный трындец! Ну, мы че делать? Дёрнули к Гвоздю на хату. У него спотыкач зашкерен. Тарашка лосьон у Гвоздевской маман вылакал. Прикинь! Ты куда с таким сумарём?

– На пляж.

– А! Ну, давай. Вечером стрела. Сёдня ж танцы. Класс, что ты с нами. Будем селивановских гасить, а то чё-то они конкретно нюх потеряли. Наваляем. Мама, не горюй. Я на них давненько зуб чешу. Покажем баранам – кто в доме хозяин.

– Слушай, Шиг, а... как ты думаешь, нам что-нибудь будет, ну ... за киоск?

Шига неопределённо пожала тощими до жалости плечами. («Как она собирается навалить селивановским, неужели они ещё дохлее, чем она?» – мрачно отметила Янка.)

– Ну, Тарана, мож, участковый выпечит дня через три. Он же на учёте. Ну, ещё кого поспрашают, туды-сюды... Да по-фигу. Че мы взяли-то? Двери надо лучше закрывать! – Шига вновь защебетала, как картаво-шепелявая сорока, в радостном предвкушении грядущей победы над безнадёжно обречёнными селивановскими доходагами.

Глава 3. Домой!

Входящие, оставьте упования!

Данте Алигьери «Божественная комедия»

Часть I. «Ад»

Янка стояла на перроне железнодорожной станции «Ярцево» перед расписанием, в полном оцепенении и всё нарастающем ужасе. Если верить этому проклятому табло, то спасительный поезд уехал три часа тому назад, в 18.30 по местному времени, а не по-московскому, как она ожидала. «Как я могла так лохануться?! Всё у них тут через задницу! Что делать?! Возвращаться – невозможно, невыносимо...» – томилась Янка у закрытого на веки вечные «Справочного бюро». В единственную кассу струился роскошный хвост из курортников, завершивших лечение, но так и не успокоивших больные нервы.

Не прошло и двух часов, как, к несусветному Янкиному изумлению, ей поменяли билет на ближайший поезд, забрав, правда, в качестве компенсации все деньги, каким-то чудом сохранившиеся в кошельке. Но разве могло столь незначительное обстоятельство омрачить счастливую возможность покинуть опостылевшую здравницу. Измаявшись на фанерных стульчиках и выкурив от голода и вялотекущего психоза все сигареты, Янка дождалась, наконец, когда перед ней отворились заветные двери вагона.

– Девушка, я вам ещё раз повторяю, мест нет. Ну, нету мест в вагоне!

Янка, не мигая, сквозь слёзы смотрела на обширное белое пятно, мерцающее на месте рябого лица проводницы, вдыхала извергаемые ей винные пары и отказывалась верить в происходящее.

– Пожалуйста! Я умоляю вас! Мне необходимо ехать. Меня мама ждёт. У меня нет больше денег, у меня же есть билет. Пожалуйста-пожалуйста!

– А я не знаю, кто вам эти билеты продал. Я, что ли, вам эти билеты продала? Идите в кассу, к дежурному, начальнику вокзала... Разбирайтесь с кем хотите!

«Заканчивается стоянка поезда «Алма-Ата – Новосибирск» – прогнусавили сверху.

– Так. Слышала? Отправляемся. Отойди от вагона! Нечего тут! Ты русский язык понимаешь или нет?

Как будто поняв что-то, Янка молча сняла золотые серёжки и протянула их окончательно расплывшемуся пятну: «Ничего, ещё остался заветный бабушкин перстень», – его Янка оставила дома, боясь потерять.

– Ну, залазь, ладно уж. Устраивайся – где найдёшь, на третьей полке вон. И откуда только такие хамки наглые берутся? Прёт напролом, хоть ты ей тут чё...

«Что б тебе лопнуть!» – беззвучно парировала Янка.

Тёмный вагон напоминал захламлённый, затхлый чулан. Повсюду сидели и лежали люди. По несколько человек размещалось не только на полках, но и на ящиках, тюках, коробках заполнивших все проходы. Обещанные «гостеприимной» хозяйкой вожделенные третьи полки, словно чёрные беззубые рты, были забиты поклажей и телами. Невозможно было найти свободного пятка пространства, что бы даже присесть. Доблестная труженица путей сообщения не лукавила – мест в вагоне действительно не было.

– Чучмеки товар везут, – пояснил участливый пассажир, видя Янкину растерянность.

Ей вдруг показалось, что она находится внутри клубка кишаших, липких червей. Пришлось спасаться в тамбуре, пропахшем мочой и табаком. Янка села на свою сумку, скинутую на грязный, заплёванный пол. И тут, впервые за свой долгий отпуск, почувствовала она что-то похожее на защищённость. Иногда, к Янке в тамбур заходили пассажиры, угощали местную жительницу сигаретами, перекидывались из солидарности сочувственными фразами.

- Ладно, что ж теперь. Не в Америке живём.
- Едем – это главное, не ногами же топаем.

Домой-домой, домой-домой... отстукивают ритм колёса. Нет же – это ударная установка, барабаны, тарелки... Джаз... всё громче, громче... Дверь, болтавшаяся из стороны в сторону, наконец-то, замерла, распахнувшись настежь. Но за ней почему-то не было скрежещущего металлом перехода в соседний тамбур, а прямо с порога... расстиралась мягкая, как пушистый ковёр, изумрудная трава. Какой яркий солнечный свет! Прямо над ней в васильковом небе сияли сразу две радуги – одна над другой, а под ними быстро-быстро, обгоняя друг друга, плыли белоснежные облака. А разве бывает сразу две радуги?

По поляне промчалась стайка детей, они звонко смеялись, гоняясь за бабочками огромными, как летающие веера: «Сцьялет щebetар! Солвей дудуцу!» До горизонта расплескались кружевной пеной маленькие летние кафе. Ослепительную белизну их пластиковых интерьеров нарушают лишь разноцветные зонты от солнца. Компании одетых в белое людей беззаботно щебечут, потягивая вино. Тёплый летний ветер играет воротниками, юбками, бахромой пёстрых флажков, воланами скатертей. Янка скинула босоножки и побежала босиком по траве. Ах, вот откуда музыка – на летней эстраде под навесом играют музыканты. Янка шла мимо столиков, заморожено наблюдая, как кружатся в высоких бокалах кубики льда. Вдыхала тонкий аромат ландышей, расставленных повсюду. К Янке повернулась миловидная женщина и приветливо протянула вазочку с мороженым.

- Ой, это мне?! Какая прелесть! Спасибо Вам огромное!

В ответ женщина заворковала на неизвестном, мягком наречии, изливая из глаз, как апрельское небо, свет бесконечной доброты: «Притынь де сластыниченько! Плитти! Плитти!» Только в этот момент Янка поняла, что все вокруг говорят на непонятном языке: «Где я? Говор не английский и уж точно не немецкий. Напоминает французский, но нет, не он. Что-то всё вокруг чересчур чисто и благостно. Кустики фигурно подстрижены. Газон ровнёхонький – не в российских традициях. Доброжелательные, счастливые люди. Подозрительно!»

Рассеянные догадки прервал ещё более странный эпизод. Плавно, словно скользя по облакам, распахнув руки для объятий, к Янке приближался статный юноша с медовыми глазами, похожий на ангела. Пока белокурый красавец крепко обнимал Янку, как родную, смущённая девушка напряжённо перебирала в памяти, где она могла видеть его раньше. Это красивое лицо было ей, безусловно, знакомо, знаком запах и мягкие прикосновения, знакомо ощущение покоя, исходящее от него, но тем стыднее не вспомнить имени столь близкого человека. Может когда он заговорит, то, услышав голос, всё разрешится – и в памяти всплывёт родное имя. Как будто прочитав Янкины мысли, прекрасный незнакомец обратился к ней, ласково улыбаясь:

- Девушка! Э-э, бомжиха что ли? Давай вставай. Развалилась тут!

В тамбуре было уже светло и от того ещё более грязно и мерзко. Над Янкой в праведном гневе нависли сердитые пассажиры, желающие выйти быстрее, чем остановится поезд.

Когда сквозь запылённые стёкла стал угадываться силуэт родного города, от Янкиной затравленности, навеянной внезапным пробуждением, не осталось и следа.

«Мой город! Мой вокзал! Я дома! Ура!!!» – ликовала она, едва сдерживаясь, чтоб не закричать. Подхватив пожитки, Янка спрыгнула на перрон и полетела по родным улицам, пронизанным золотыми рассветными лучами, не замечая коротеньких травинков, торчащих из расстёгнутых босоножек. И уже не увидела, как к вагону подъехала неотложка, как грузили безжизненное тело проводницы. И не узнала бы теперь её рябое лицо, перекошенное инсультом, если бы не знакомые до боли серёжки – подарок бабушки.

Дома всё по-прежнему, будто Янка не уезжала никуда, и не было в её жизни этих, составивших душу дней. Вид родного жилища отрезвил патриотический пыл: «Зачем так стремилась сюда? Никому я не нужна, даже здесь». С нарастающим унынием она обвела взглядом изученные до отвращения детали интерьера. Обувь в коридоре расставлена по ранжиру и назначению. Тарелки в кухне – в неизменном иерархическом порядке. Посудная тряпочка свёрнутая непременно рулончиком покоится справа от плиты и нигде больше. Дизайн гостиной также несёт влияние безраздельного домостроя. Многочисленные вазочки, коробочки, шкатулочки – каждая на своём месте. Не дай Бог сдвинуть на сантиметр! Книги непременно по цвету обложки. Диванные подушки выстроились по росту длинной шеренгой. Ша-агом марш!

Над диваном противно усмехался ушасто-конопатый портрет кумира семьи – Лёнчика, младшего брата, откровенно недоумевая, как же это можно выбиться из расписания английско-скрипично-теннисных занятий?! Лёнчик – успешный! Лёнчик – удачный! У него нет проблем с математикой, он не теряет деньги, не рвёт одежду. Им можно гордиться! С Янкой всё по-другому:

– Что-то ты, доча, пузо такое себе наела безобразное и щёки уже со спины видать! – Для девушки-подростка такое замечание звучит, как расстрельный приговор. Янка, как положено, в слёзы. Мама Ира долго трясёт её за плечи и пытается:

– Ты, что, беременна? Признайся, ты беременна? Не бойся, скажи мне, я же твоя мама!

Как ответить, что не нашёлся ещё желающий даже поцеловать такую уродину, одетую в отвратительное шмутъё, купленное в секунд-хэнде.

– Почему ты постоянно плачешь? Скажи, ты наркоманка? Наркоманка?!!

Янка давно заметила, что не может спокойно находиться с мамой Ирой в одной комнате. Её начинало разрывать нечто страшное, необъяснимое, абсурдное, то, что она не могла ещё толком сформулировать, но уже догадывалась не в силах примириться – огромная, материнская нелюбовь – пожизненная, непоправимая её беда: «Значит, я сама виновата, раз родная мать меня не любит. Ненавижу себя...»

– Что, дочь, опять Гитлер тебя строит? – участливо интересовался отец, полностью подмятый «семейным счастьем».

Иногда, опасно озираясь, папа совал дочке в руку смятую денежку, заныканную от домашнего вертухая: «Матери не говори!» В своём автоцеке отец считался уважаемым и незаменимым. Но в семье являл собой досадное недоразумение. Бывало, что придя домой в подпитии – на стадии безрассудства, отец пытался восстановиться в статусе главы семейства. Тогда в его голову летели: обувь по ранжиру, тарелки в неизменном иерархическом порядке, а также многочисленные вазочки, коробочки, шкатулочки...

С годами ситуация усугублялась. Отец всё больше пил, теряя человеческий облик. А последнее время вообще исчез – просто ушёл, как обычно на работу и не вернулся. Янка замкнулась и старалась реже бывать дома. Мама Ира становилась всё невыносимее. А героизм Лёнчика вплотную приблизился к легендарному образу Павки Корчагина, строящему в одном ботинке узкоколейку из грязи.

Глава 4. Жэ.Пэ.О.

*– Гульнур, скажи, что с нами будет? – Ничего особенного: сначала осень,
потом зима, потом весна,
потом лето – и жить будем!..*

«Впервые в жизни первое сентября – не обгажено! – удивилась сама себе Янка. – Странно даже, что не хочется по привычке удавиться от приближающегося Дня знаний». Напевая «школьные годы, чудесные...», песню, которую не могла раньше слышать без тошноты, подошла к старому трёхэтажному зданию.

Открыв тяжёлую дверь училища, Янка сразу почувствовала запах масляных красок. Сладкий аромат счастья, одно воспоминание о котором вызывает блаженную улыбку и которым пропахнет вскоре вся её одежда, волосы и вся она. «Янка, у вас что, дома ремонт? От тебя так краской несёт!» – будут спрашивать знакомые из прошлой жизни, страшной в своей обыденной серости.

На доске объявлений, терявшейся среди набросков и этюдов, висели списки зачисленных на первый курс: «ЖПО-1» (живописно-педагогическое отделение).

«Название у меня теперь матершинное в квадрате. Мало того, что учусь в НАХУ. – Нижнесибирское Архитектурно-Художественное Училище, так ещё и Жэ.Пэ.О. Это просто откровенное издевательство! – негодовала Янка, – Знала бы, что так обзовут, не поступала бы сюда. А какая битва была на вступительных экзаменах! Конкурс не меньше, чем в ГИТИС. Но из сотен желающих отбирали группу в десять человек. И это всё ради того, чтобы ТАК называться! А как ответить, когда спросят, где ты, Яночка, учишься? – НАХУ ЖэПэО! За такой ответ могут вывеску начистить. Пойди потом, объясни, что это самое лучшее в стране художественное училище, после которого без проблем зачисляются в академию.

Янка пробежала глазами по списку своей группы, выхватив на выбор несколько фамилий:
Бондаренко Тарас
Карапетян Армен
Рахматуллова Гульнур
Стефановска Зденка
Талдыбаев Владимир...

Янкины глаза невольно округлились: «Ничего себе, дружба народов! Специально их, что ли, подбирали? Как же я вместе со всеми этими талдыбаями учиться то буду? Ну, а кого вы, девушка, собственно ещё ожидали встретить в НАХУ ЖэПэО?! Так что всё нормально – соответственно месту. Как говорится, не место красит талдыбая, а талдыбай – ЖэПэО!» Глубоко вздохнув, вспомнила Янка, как в детстве считала, что ёкарный бабай – это редкая народность степной Монголии...

Неожиданно, словно лавиной, накрыло осознание, что теперь ей предстояло стать частицей неизведанного, стыднопроизносимого, но всё же такого желанного мира.

В училище, как выяснилось, никто не потешался над названием, а живописное отделение уважительно называли – элитой, так как зачисляли на него, подвергая более жёсткому отбору, только самых одарённых. Именно с этого отделения вышли знаменитости, которыми теперь гордилось учебное заведение.

Не изжитые со времён славного застоя, уходили корнями вглубь веков, студенческие традиции: бесконечные перекуры в оккупированной кочегарке и «мотыляние» в кафе «Мотылёк»...

Вопреки Янкиным опасениям, группа оказалась замечательной. Во-первых, парни, которых было обнадёживающее большинство (удивительное явление для обабленной страны), были взрослыми и симпатичными, отслужившими, а не откосившими от армии.

Переполненная новыми впечатлениями и не в силах сдержать удивления от разнообразия ярких индивидуальностей, Янка впервые доверила свои впечатления бумаге.

Отрывки из Янкиного дневника

«...Тарас Григорьевич «Дед» – пожилой первокурсник, за плечами которого стаж «по горячей сетке», разводы, алименты, старшие многих преподавателей. Немедленно-единогласно возведён в «самые старые старосты».

Хромцов – спартаец, Правильный. Самородок из глубинки. Единственный, кто не имеет за плечами художественной школы. Но его не могли не принять в училище, ведь даже самые жёсткие экзаменаторы боятся Бога. Хромцов наверняка молниеносно прыгнет из села Нижние Сопатки в модные европейские арт-салоны. Это будет потом, а сейчас он простой парень с россыпью веснушек, соломой выгоревших волос и печатью неистребимой провинциальности на челе. С первого взгляда по уши втрескался в ангелоподобное существо с круглыми, васильковыми глазами и нездешним именем – Зденка.

Зденка. Прозрачно-сиреневый эльф – нечто среднее между снежинкой и котёнком. К сожалению, слишком раннее осознание исключительности отразилось на характере ангелоподобного существа, сделав его далеко не ангельским, но это только добавило ей привлекательности в глазах всей мужской половины человечества.

Гапон – гениальный шизоид, «чернокнижник». Худая согбенная над рукописями фигура произрастает в самом тёмном углу мастерской. За толстыми окулярами не видно глубоко посаженных глаз. А его странные зарисовки может объяснить только консилиум, состоящий из Зигмунда Фрейда, Альберта Эйнштейна, Иеронима Босха и двух-трёх районных психiatров. По статистике, ежегодно родное училище пополняет психиатрическое отделение на пять-шесть пациентов. В високосные годы и того больше. Гапон в этом списке явно первый.

Перепёлкин – полная противоположность своему замкнутому другу Гапону. Неуёмный лидер рок-группы «Зубы врозь», весьма популярной у бесчинствующей молодёжи. С первого дня обучения не растает с постоянной перспективой отчисления. Имеет редкий дар – подрывать спокойствие и провоцировать драчки преподавателей, оценивающих его дикие полотна».

Дальнейшие дневниковые записи приобрели более лаконичный характер:

«Талдыбаев – борец-одиночка за порядок и чистоту. Когда дышит ароматной вишнёвой трубкой, то кажется мудрым персонажем восточного эпоса. Безуспешно скрывает алкогольную зависимость.

Робик – мальчик из школы изяШШШных искусств, трудоголик от живописи, старательный, аж противно!

Шмындрик – не знаю можно ли с полной уверенностью отнести его к мужчинам, весь в серьгах, носит две (!) косички. Слащавый, прилипчивый. Акварелист – великолепный! Постоянно спрашивает у всех: «А тебе нравится?..»

Большая Мать (Оксана) – ей бы танковой дивизией командовать!

Армен – доминирующий самец, даже на куриц засматривается.

Нинка-Никотинка – этим всё сказано (хорошо, что она не в нашей группе!)

Лора – своего не упустит!

Гульнур – хохочущий китайчонок.

Нюся. Никакая. Что воля, что неволя – всё равно...»

Лишь одно досье Янка оставила незаконченным: «Цесарский – ...» Хотя сказать об этом эксцентричном «кадре» можно было немало. Цесарский стал центральной фигурой всего учи-

лица с момента появления. «Можешь звать меня просто – хозяин», – знакомился он с одноклассниками. Длинный, худой очкарик, называющий себя высоким, стройным интеллигентом, обладал врождённым комическим даром и безостановочно фонтанировал остротами а-ля Карлсон. Несомненно, в его лице мировая эстрада приобрела бы мастера пародии и звукоимитации.

К сожалению, Цесарский являл собой ещё и пример того, как хронический юмор переходит в цинизм. Постоянно насмехался, задирали, доводил. Особенно злыми его шутки виделись тому, на кого были направлены, но когда он изгалялся над кем-то другим, то это казалось забавным и даже талантливым. Объектом надругательств Цесарского могло стать что угодно: патологическая Лорина жадность, бесконечный Гапоновский трактат, авангардная поэзия Перепёлкина, Нюсина заторможенность и многое, многое другое.

Но основной задачей Цесарского всегда оставалось одно: не покладая рук, во что бы то ни стало, жертвуя собой, подорвать авторитет «самого старого старосты»! Цесарский запросто мог заявить: «Дед, мурзилку попроще, ты ещё должен помнить Розенбаума кудрявым», или доверительно сообщить Шмындрику: «Знаешь, дедушка Тарас тоже в прошлом передаст». Когда Дед, не выдержав издевательств, взрывался, выходило ещё хуже. Спасаясь от недюжих кулаков, Цесарский со всех ног удирал по длинным училищным коридорам и горланил во всё горло: «Не убивай меня, пердя старая! Не губи ребёнка, педофил! Люди добрые, помогите, за мной гонится пупок с глазами!»

Цесарский обильно раздавал прилипчивые прозвища, но и он не осуществил детскую Янкину мечту, и она опять осталась без творческого псевдонима. Беспардонный Цесарский разговаривал с ней очень вежливо и вообще старался обходить стороной, что не могло не наражать. «Я, наверное, настолько серая, что даже Цесарский не удостаивает меня своих колкостей!» – грызла она себя. Возвращенные с младенчества неуверенность и страх, соткали её характер из тысячи узелков.

Порой Янке казалось, что она симпатичная, особенно когда сильно покрасит глаза и завьёт густые пепельные волосы. Но чаще одолевали моменты острого недовольства собой. Обычно такие состояния наступали во время школьных уроков физкультуры, когда она особенно явно ощущала своё физическое несовершенство по сравнению с более стройными одноклассницами. Не то чтобы Янка была безобразно толстой, но до глянцевого идеала явно не дотягивала. Вот и сейчас по инерции у неё испортилось настроение, хотя спортивный час в художественном училище не имел ничего общего со школьной муштрой.

Группа являла собой настолько пёстрый разновозрастный отряд, что заметить среди этого безобразия Янку, а тем более как-то выделить, было очень проблематично.

Разношерстная команда маялась на крохотном стадиончике в ожидании строгого преподавателя физкультуры Егора Николаевича. О его зверствах в училище ходили легенды. Одной из самых изощрённых пыток считалось его неотступное принуждение несчастных студентов к сдаче норм ГТО девятьсот лохматого года. Но он оказался просто младенцем, по сравнению со своими коллегами-соплеменниками семейства «физрук школьный, обыкновенный». Янка и не таких грозных обводила вокруг пальца. Не осилившая за свою спортивную карьеру ни одного приличного прыжка и забега, она была стабильно обожаема всеми военруками, физруками, включая даже тренеров-тёток. Почему? Для неё самой это оставалось загадкой. Может за округлость форм и подкупающую женственность, столь редкую в мире большого спорта.

Наконец, вдалеке проявился силуэт Егора Николаевича в старинном спортивном костюме времён продразвёрстки, пикантно обтягивающем пивное брюшко.

– Кто это там?

– Николаич Егор.

– Стукни зубами его об забор!» – продекламировал поэтический экспромт подвижный, как мартышка Перепёлкин, успевший облазить все турники и несколько раз преодолеть по собственному почину полосу препятствий, не запыхавшись.

В качестве разминки, осуществляя общение с миром посредством свистка, Николаич Егор изрядно погонял группу по стадиону. Затем, не скрывая скепсиса, стал записывать в бортовой журнал результаты бросков бутафорской гранаты. После каждого выступления очередного гранатомётчика, мэтр становился настолько мрачным, что всем стало понятно без слов, претендентов в чемпионы по метанию бутафорских гранат среди них нет.

Пессимизм тренера приобрёл непоправимый характер, когда Нюся, неудачно размахнувшись, уронила гранату позади себя. Не в силах более терпеть надругательств над физической культурой, Егор Николаевич сослался на необходимость срочной инвентаризации лыжных палок и спешно удалился, в очередной раз убедившись в полной бесполезности людей искусства.

Группе была предоставлена возможность порезвиться на свежем воздухе. Желая продемонстрировать, что есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах, Тарас Григорьевич принялся задорно отжиматься, опираясь на вкопанное до половины колесо.

– Дедушка, а ваша бабушка уже давно ушла! – не оставил без внимания его порыв Цесарский. – Диду, а ты можешь ещё при этом быстро-быстро скороговорку говорить – задумал дебил бодибилдингом подбодриться?

Не обращая внимания на училищного шута, Тарас Григорьевич, играя мускулами, направился к турнику:

– В здоровом теле – здоровый дух! – как бы между прочим бросил он тощему, сутулому Цесарскому. Однако ни от кого не утаилась нотка назидательного злорадства. Брезгливо зажав нос пальцами, Цесарский гундосо парировал:

– Ф-фу, а от дедули дух... здоровый!

Презрев оппонента, Тарас Григорьевич по-молодецки взлетел на турник и стал выделять номера армейской акробатики. Но, когда завис вниз головой, вдруг, от его лысого темени, подобно распахнувшейся дверце, отделился чуб, скорлупкой прикрывающий голый череп. Каждое утро Тарас Григорьевич старательно маскировал лысину, мастерски укладывая длинные пряди и цементируя их лаком сверхсильной фиксации. Кое-кто смущённо потупился. Но для Мишки этот конфуз стал очередным триумфом над Тарасом Григорьевичем:

– И вот открылась она – голая правда! Стариканы-маразматика, вперёд! Вступайте в партию пенсионеров-физкультурников! Вы станете похожи на секс-символ нашего времени голую коленку Гоши Куценко! – призывно провозгласил Цесарский, указывая энергичным ленинским жестом на странности причёски Тараса Григорьевича.

Взбешённый, с пунцовыми пятнами, Тарас Григорьевич пружинисто соскочил с турника и угрожающе двинулся на Цесарского:

– Ну, гадёныш, послушай теперь моё слово!

– Твоё слово будет в Доме престарелых после клизмы!

Дальше следовала уже знакомая игра в догоняшки, только теперь спортивный вариант – не по узким коридорам училища, а, как положено, по беговым дорожкам.

После урока физкультуры Янка хотела было по-привычке пожалеть себя, но тут же застыдилась, вспомнив тяжкую долюшку «самого старого старосты».

Глава 5. Не читайте, дети, на ночь!

Мефистофель:

Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

Вернувшись домой, Янка первым делом надела перстень с мерцающим камнем. Вместе с приятной тяжестью на пальце её окутало спокойствие и уверенность, их так не хватало в последнее время. Как и предполагалось, бабушкин подарок долгое время оставался незамеченным. Лишь на днях, мама Ира, наконец, поинтересовалась: «Откуда у тебя такое кольцо?» Подготовленный загодя ответ, что это дешёвая бижутерия, вполне её удовлетворил. Странно, но с появлением перстня Янке как будто стало легче: мать чаще оставляла её в покое – переключившись на общение с телефоном, сменив придирки на сплетни и жалобы. Ещё раз полюбовавшись бирюзовыми искорками внутри таинственного самоцвета, Янка спрятала кольцо под подушку.

Сегодня выдался редкий случай насладиться одиночеством. Она очень любила такие вечера, без суеты и надоевшего зудения: «Я тебе, засранка, жизнь подарила, а ты сапоги свои чёртовы по всему коридору раскидываешь!»

Девушка долго блаженствовала в горячей ванне, которую в отсутствии надзора можно было от души наполнять душистой солью и пеной, без окриков и замечаний густо-густо намазаться кремом, допоздна смотреть телевизор и сколько угодно читать в постели. Янка не торопилась, как раньше, пользоваться выхваченными у жизни льготами, а неподвижно лежала на своей кровати, распаренная и обессиленная, желая только спокойствия и тишины.

Как будто в угоду её желаниям, само собой выключилось радио. Раритетная по нынешним временам говорящая коробочка настойчиво сохранялась мамой Ирой в память о бабушке. Надо заметить, в последнее время радиоточка совершенно не реагировала на включение и регулировала рабочий режим по собственному усмотрению.

Об отце уже несколько месяцев не было ни слуху, ни духу. Янка понимала, что его жизнь с матерью не сложилась. Да и никто на свете не смог бы вытерпеть постоянные скандалы и мелкие придирки. Но как он мог бросить её – единственную дочь, не оставив даже записки?! В минуты, когда тоска становилась нестерпимой, Янка открывала «Мастера и Маргариту» на любой странице и начинала жадно читать, пока душевная боль не уходила постепенно сама собой: «...проснувшись, Маргарита не заплакала...

– Я верую! – шептала Маргарита торжественно, – я верую! Что-то произойдёт! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?..»

Сколько раз и она, Янка, просыпалась с таким же предчувствием неотвратимости чудесных перемен, но, увы, ничего не происходило или становилось ещё хуже. «Наверное, я ещё не выстрадала того, что выпало испытать Маргарите. Не пришло ещё время моей награды за страдания, – думала Янка углубляясь в чтение. – Эх, надо бы прочесть любимую книгу в третий раз, не отрывками от случая к случаю, а основательно!»

Неожиданно её мысли прервало самостоятельное радио:

– В редакцию передачи «Вестник Уфологии» приходят многочисленные письма от читателей романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Очевидцы сообщают, что после прочтения романа в третий раз (!) с ними происходят необъяснимые, мистические случаи. Редакция небезосновательно рекомендует своим радиослушателям воздержаться от очередного прочтения данного литературного произведения!

На несколько секунд после любезного предупреждения, как это часто случалось с ней в стрессовых ситуациях, Янка замерла. Затем мгновенно подскочила и выключила «уфологи-ческий вестник», ей хотелось, хотя бы сегодня, самой распорядиться своими действиями без чьего-то вмешательства.

Усмехнувшись удивительному совпадению, Янка показала радиоточке язык. Почувствовав некий кураж, она несколько раз громко огласила в ночи своё безумное намерение:

– Прочитаю! Прочитаю! Прочитаю всё равно!

После чего демонстративно открыла роман и стала внимательно читать с самого начала. Очнулась только глубокой ночью, когда холодящая душу сцена явления Геллы достигла своего зловещего апогея. Несколько раз Янка прерывалась, чтобы сбавить накал нахлынувшего страха. То ей казалось, что скрипнет в коридоре половица, то посуда на кухне звякнет, а то и вовсе кто-то под ухом будто морковкой хрумкает и тщательно так пережёвывает.

Но как только Янка вновь принималась читать, не в силах оторваться от завораживающей книги, потусторонняя жуть сковывала её с новой силой: «... и неотвратимо тянулась из открытой форточки к оконному шпингалету рука в трупных, гнилостных пятнах, росла, удлинялась, отпирала окно... приближался и явно ощущался подвальный запах смерти...»

Боже! Это точно наяву – ШШШУХ... ШШШУХ... ШШШУХ... Янка медленно, как будто преодолевая сопротивление, подняла омертвевшее лицо в сторону загадочного шороха. Тусклый свет настольной лампы, которого едва хватало на освещение страницы, поставил происходящее под сомнение. Из середины огромного рулона ватмана, покоившегося на шкафу, с тихим леденящим душу шелестом, медленно, по одному, вылетали листы и, разворачиваясь в полёте, мягко планировали на коврик у кровати.

Бешеное сердцебиение сотрясало, казалось, всё Янкино тело вместе с комнатой. «Всё же нужно иногда прислушиваться к тому, что говорят по радио. Не всё, видать, врут», – в приливах холодного пота, бедолаге удалось дотянуться до выключателя. Но и при ярком свете картина выглядела неутешительней: один за другим большие белые листы продолжали вылетать из рулона, печально шелестя.

Вдруг боковым зрением Янка уловила ещё более странное явление. В узкой щели между стеной и шкафом, куда не пролезет и палец, мелькнул и скрылся, похожий на добротный воротник из чернобурки, гигантский кошачий хвост...

За окном, наливаясь ядовитой бледностью, медленно, как гоголевский Вий поднимал тяжёлые веки равнодушный рассвет. Дрожащими руками Янка нашарила под подушкой свой магический талисман. Надеть кольцо удалось не сразу. Но, обретя порцию спокойствия источника им, девушка с трудом восстановила сбившееся дыхание, и провалилась в спасительный сон, свернувшись в клубок, как одинокий щенок, отчаявшийся найти хозяина.

Очнуться заставила настойчивая трель телефона. Вместе с неприятными воспоминаниями о святочной ночи на ум пришли мрачные кадры фильма «Звонок». Дрожащей рукой, словно повинуюсь гипнозу, Янка сняла трубку. Знакомый голос отца звучал совсем рядом, а казалось – с другой планеты. От нахлынувшего на Янку огромного счастья, она плохо понимала, о чём он говорит, лишь отдельные фразы, как слёзы катились напрямиком в сердце: «Дочура! Всё хорошо. Живу пока у знакомых. Люблю!»

Глава 6. Чувство локтя

Голос:

Я полезных перспектив

Никогда не супротив!

Я готов хоть к пчёлам в улей,

Лишь бы только в колесфтив!

Леонид Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»

Подлетел к концу промозглый ноябрь, месяц, который пережить Янке было всегда труднее всего. Надежды на любое, хоть мало-мальское тепло утеряны, а впереди маячит лишь призрак беспощадной зимы. Но в этом году, видимо, всё шло наоборот. Ноябрь пролетел незаметно и безболезненно.

Весь день Шмындрик был в ударе. Утром кто-то из старшекурсников предложил позировать:

– Хочешь описаться с ног до головы?

Шмындрик, поломавшись для приличия, не скрывая радости, дал понять, что согласен на всё! Его вежливо пригласили зайти после занятий в мастерскую выпускников, а значит, он получил пропуск в закрытый мир для избранных, где за плотно задёрнутыми, чёрными шторами творится нечто – то ли эзотерическая мистерия, то ли изощрённая оргия.

Группа молодых людей обоего пола, весь световой день, созерцают обнажённые тела, называя их учебными постановками, а изображения аппетитных бесстыдниц в сексуальнозовущих позах – работой. «Мужикам-художникам нужно за вредность молоко выдавать!» – не раз восклицал Армен, весьма встревоженный подобной перспективой истязания его пышноцветущей плоти.

Когда пятый курс вывешивал в коридоре выставку своих «обнажёнок», то становилось ясно, что не все работы отвечают высоким критериям одухотворённого искусства. Среди авторов встречались откровенные троечники, а то и вовсе неуспевающие по всем предметам лодыри. По этой причине неподготовленному, стыдливому человеку трудно было пройти мимо подобного вернисажа, не опустив глаз. В период экспозиции храм искусств напоминал не богатый, но популярный публичный дом, а вся атмосфера словно пропитывалась манящими ароматами возбуждающих духов из секс-шопа.

– Господа, айда в нумега! Я уже с мамзельками договорился! – нарочито картавил неуёмный Цесарский, выражая общепреподнятое настроение.

Счастье Шмындрика, с нетерпением ожидающего своего дебюта модели, не смогло ускользнуть от всеразрушающего ока Цесарского:

– Слушай, Шмындр, давно хочу тебя спросить, ты, голубой?.. – в повисшей тягостной паузе-туче одноклассники кидали в Цесарского тяжёлые, как булыжники, взгляды, – ... тубик, говорю, голубой не брал?

Шмындрик проглотил обиду, но ожидание праздника ушло. Он заметно скис. Стал суевливей, чем обычно, беспрестанно ронял то резинку, то карандаш, без причины снимал и надевал свои стильные очки, часто моргая. Внутри у Янки словно сжалась огромная пружина. Сама того не ожидая, она решила заступиться за жалкого и униженного Шмындрика:

– Знаете загадку про Цесарского? Два кольца, два конца, а посередине – сволочь!

Из-за мольберта одобрительно крякнул Тарас Григорьевич.

– Да, вы ко? Да, я не ко! Это вам почудилось, это вам поюдилось. Я на вас жалобу подам... коллективную! – неожиданно плаксиво и примирительно заканючил враг. Прыгнув на колени к ошарашенному Шмындрику, Цесарский моментально сменил маску:

– А тебе, друг Чичиков, позволь влепить одну безешку! Ах, позволь! Одну маленькую безешку! Ну, хоть одну!

Шмындрик хохоча уворачивался от слюнявых поцелуев Цесарского, и, конечно же, всё ему простил на десять лет вперёд.

Чтобы хам Цесарский пошёл на попятную? Тарас Григорьевич даже привстал от удивления.

– Грэндфаве, сит даум, плиз! Гейм оувер! Шмындр, надевай пенсионероглушительную установку, ваяй дальше, – посоветовал Цесарский, заботливо надевая на Шмындрика наушники плеера, с которыми тот и так практически не расставался.

На второй паре Рисунка добрый гномик, а по совместительству мастер группы Валентин Валентинович, проверял наличие домашних работ. Недельная норма была высока: сорок набросков и пять этюдов. С такими нагрузками справлялись не все.

К преподавательскому креслу прилепились Гульнур и Нюся. Как назойливые попрошайки, они ныли тонкими голосами, противней, чем в индийском кино, умоляя не выставлять им очередные двойки:

– Ню-у, Ва-алени-и-инь Ва-алени-и-ине-еви-и-и-ич!

Нудные мольбы на Валентина Валентиновича не подействовали, и он в такт гнусавой парочке ответил так же в нос:

– Двя-а-а... Двя-а-а!

Робик, как и положено трудоголикам, перевыполнил норму в несколько раз. По этому поводу Перепёлкин высокопарно продекламировал:

Отодвигая в сторону мольберт,
Я восхищаюсь Вами, о, Роберт!

Армен и половины задания никогда не успевал, да и по большей части предпочитал покупать у соплеменников наброски и этюды за наличные деньги, а так же натурой – съестным и сигаретами.

– Арменчик, придумывай быстрее откаряку! – ехидно посоветовал Цесарский, его вечный соперник по амурной части.

– Валентин Валентинович, а у меня бабушка заболела. Сильно.

– Армен, ты же в общежитии живёшь. А бабушка твоя где?

– На Махачкала.

– Это такая чкала, где всегда махач! – пояснил Цесарский.

– А я, Валентин Валентинович, переживал. Работать не мог! Всё думал, как там мамочка моя одна с больной бабушкой...

– Слушай, дорогой, не грузи. Мы тебе теперь и мама, и папа, и дедушка Али, – не унился вредина Цесарский.

– Два! – коротко прервал их Валентин Валентинович.

Невзирая на то, что задание чётко предписывало первокурсникам делать зарисовки простых предметов быта, большинство работ Гапона составляли сложные модернистские композиции, а если среди них случайно попадались положенные «кружки-чайники», то с изломанными до неузнаваемости формами и всегда с громкими амбициозными названиями.

Под портретом страхолюдины неопределённого пола красовалась: «Пречистая Матерь». Кто-то из одноклассников-реалистов, исправив в названии только одну букву, приблизил произведение к истине, оскорбив портретиста. Теперь маленькую деформированную голову, посаженную на непропорционально-могучие плечи, оправдывало новое название «Плечистая Матерь». Этюды кисти Гапона вообще представляли собой кашу из темно-коричневых пятен:

– Тут я экспериментировал в технике Рембрандта, – не замечая ужаса в глазах окружающих, гордо пояснял автор.

– Кстати, о Рембрандте. Знаешь, Гапоша, ничего так не красит картину, как кисть и краски! – авторитетно заявил Тарас Григорьевич, – так что берись за кисти и пиши по-настоящему, цветом, а не какашками.

Цесарский пропустил самодовольное поучение Тараса Григорьевича, своего вечного оппонента, без достойного отпора, так как был чрезвычайно занят. К нему на плечо положила голову прекрасная Зденка. Цесарский замер, стараясь не спугнуть птицу счастья.

– Даже не знаю, как Вас, голубчик, оценивать, – поёжился Валентин Валентинович и как-то виновато взглянул на Гапона. – С одной стороны, Вы много работаете, но с другой стороны – всё не то! Три балла.

– Цесарик, тебе не тяжело? – спросила Зденка тихо, но не настолько, чтобы этого не услышал позеленевший от ревности Хромцов.

– Даже не знаю, как Вам, голубушка, ответить, – точно копируя голос и интонацию учителя, куражился Цесарский, – с одной стороны не тяжело, вот с этой, – и он указал на своё свободное от Зденкиной головы плечо. Коварная кокетка заливисто засмеялась, твердо зная, чей взгляд буравит им спины.

– Так, следующий, – продолжал проверку Валентин Валентинович и вопросительно посмотрел на Цесарского.

– Ах, даже и не знаю, смогу ли, – громогласно отозвался Цесарский, желая всеми силами обратить внимание публики на свой триумф – обладание Королевой Красоты.

Работы Цесарского были безупречны. Лучше были только у Хромцова. Его этюды изображали небо в разных состояниях: белые, пушистые облака, бордовые сумерки над городскими многоэтажками, но самое большое впечатление произвели этюды грозовых туч.

– В Барокке писали такие небы! – восхищённо ахнула Гульнур, поразив Тараса Григорьевича в самое сердце наивной корявостью фразы и трогательными ямочками на щеках.

Может, в этот самый момент высшие силы, и решили заключить на небесах странный брачный союз уставшего от жизни, вынужденного страдать среди ядовитых малолеток Тараса Григорьевича и смешливой девчушки, самой младшей во всём училище.

Лору вызывали несколько раз. Она всё пыталась в последний момент перед проверкой что-то подрисовать, подправить.

– Вы будете показывать работы, в конце концов, или нет?

– Ой, ну я эт самое сейчас.

– Лор, поздняк метаться! Иди, сдавайся!

– Я только ещё вот здесь поэтсамываю!

В конце урока Валентин Валентинович попросил студентов принести из натурального фонда предметы и драпировки для новых постановок, а сам по неизменной гномьей привычке незаметно исчез.

С невообразимой какофонией в группу ввалились обвешанные разноцветными тряпьем Перепёлкин с саксофоном, Хромцов в военной пилотке и с балалайкой, и, конечно, Цесарский с дырявой гармошкой наперевес.

– Драпернём по натюрмордам!

– Выступает Великий и Ужасный Михаил Цесарский с двумя подтанцовками, – пафосно объявил свой выход Цесарский. – Музыка из нот, слова из словаря.

Мелодию «Амурских волн» выводил на саксофоне Перепёлкин. Хромцов в такт подтренькивал одинокой балалаечной струной. Инструмент же Цесарского был способен лишь на короткие, эротические вздохи, но зато сам Великий и Ужасный оказался обладателем красивого баритона:

Тихо в лесу,
Только не спит Гульнур,
Хочет Гульнур амур-мур-мур-мур...
Вот и не спит Гульнур.

Тихо в лесу,
Только не спит Гапон,
Ночью Гапон писал пятый том,

Вот и не спит Гапон.

Тихо в лесу,
Только не спит Армен,
Бедный Армен сломал себе член,
Вот и не спит Армен.

Во время исполнения последнего куплета Армен запустил в Цесарского увесистой «Анатомией для художников», хотя текст, без сомнения, принадлежал быстрому перепёлкинскому перу. Неуязвимый Цесарский, ловко увернувшись от снаряда, выскользнул в коридор.

– Дж-жаз-зз – это разговор-рр! – закатив глаза, проклокотал Перепёлкин.

Захватив с собой шляпу Гапона для сбора гонорара, новоявленный джаз-банд двинулся на улицу – радовать своим искусством несчастных прохожих. Следом побежал Шмындрик, самозабвенно стуча в загрунтованный холст, как в большой бубен. Но вскоре он, грустный и понурый, вернулся, вновь отвергнутый мужской компанией.

– Ян, ты не могла бы сходить вместе со мной?

– Куда Шмындр?

– Понимаешь, меня пригласили позировать старшему курсу, да мне, как-то неловко идти одному.

«Если бы я решилась подзаработать «телом», то никого бы из группы с собой звать не стала, – подумала Янка, – тем более представителя противоположного пола. Но ведь у Шмындрика особый взгляд на жизнь!» Невзирая на щекотливость ситуации, Янке, безусловно, льстило доверие симпатичного юноши в таком сугубо интимном деле.

– Пошли! Сегодня буду твоим Брюсом Уиллисом – спасу.

В мастерской пятикурсников царил домашний уют. Для обиталища художников было удивительно чисто. На натянутых по стенам верёвочках, как бельё на прищепках, сохли сырые этюды. В шкафах и на полках – идеальный порядок (мечта Талдыбаева!) В углу круглый стол, застеленный вышитой скатертью, с фарфоровым чайным сервизом и горой сушек на блюде. За ширмой притаился поистине райский уголок: диван, торшер, рядом на тумбочке сборник стихов с чьими-то очками, пушистые тапочки на круглом домотканом коврикe и, конечно, повсюду, до самого потолка картины, картины, картины.

Казалось, что здесь проживает добропорядочная семья творческих работников, но при внимательном рассмотрении у семейства обнаруживались явные странности. Например, на каждом мольберте была прикреплена табличка, интерпретирующая фамилию владельца: «Уманец – считай, калека», «Гусев – свинье не товарищ», «Ешь ананасы, Рябченко, жуй, день твой последний приходит, буржуй!», «Колот – не тётка!», «Маслов, кашу не испортишь!», и др.

На вешалке рядом висели рабочие, ярко расписанные краской халаты. На одном были генеральские погоны, а иконостас из медалей-орденов не вмещался даже с тыла. Следующий халат гангстера-неудачника был словно изрешечён автоматными очередями с запёкшимися в пулевых отверстиях кровавыми подтёками вперемешку с поцелуями, между лопатками красовалась огромная мишень с наливным яблочком в центре. Подол женского халатика украшала хохломская роспись с золотом, по спине другого прошлись босые белые ступни кукольного размера.

Осмотр экспозиции народного быта прервала миловидная старшекурсница. Внешний вид девушки можно было вполне назвать обычным, а халат на ней поломоино-техническим, если бы не ожерелье из карандашей-огрызков и реалистично выписанные глаза, что испытующе глядели с обеих грудей. Она сообщила, что группа спешно улетучилась на открытие чьей-то «персоналки», а ей доверили извиниться перед натурщиком и передать, что его будут ждать

на следующей неделе. Когда студентка удалялась, то на выпуклостях пониже спины, ребят проводил живым, прощальным взглядом глаз, размером значительно крупнее, чем на фасаде.

Последнее, что поразило Янку, когда они покидали чудесную мастерскую, это кисти и карандаши, проткнувшие насквозь оконные стёкла, растущие из стен гигантские гипсовые уши. В углу, пронзённый золотой стрелой, потягивался «Умиравший раб» Микеланджело.

– Как это они стёкла насквозь проткнули?

– Ну, ты село! Берётся карандашик, ровненько распиливается. Одна часть садится на супер-клей с одной стороны стекла, а вторая с другой. А мы в Остроженке вообще обломки лезвия к щеке или к виску приклеим, ещё кровь гримом подрисуем...

– В Остроженке?

– Училище хореографическое при Академическом театре.

– Бросил?

– Оттуда сами не уходят. Перед самым выпуском отчислили.

– Как? За что?

– Известно за что, за профнепригодность.

– За профнепригодность перед самым выпуском? Это как?!

– А вот так!.. Два ребра сломали, и ... ногу.

– Кто?! – Янку передёрнуло.

Весь остаток дороги до остановки они шли молча. Основная часть родного курса томилась в ожидании транспорта. В давке переполненного автобуса к Янке и Шмындрику вернулось весёлое расположение духа. По салону неслись истошные, знакомые до боли вопли Цесарского:

– Мальчик, уступи место дедушке Тарасу Григорьевичу – ветерану Куликовской битвы!

Не видишь, что ли, инвалид еле на ногах держится. Граждане, будьте милосердны! – Покрикивал на весь салон Цесарский, затем обратившись к Большой Матери, неистово заголосил – Мать, к грудям не подпускай! Не подпускай!

Здрав рукав куртки, он демонстрировал шокированным пассажирам свой острый, заляпанный краской локоть сквозь растянутую дырку свитера:

– Господа, войдите в положение, у меня обострённое чувство локтя!

Глава 7. Дух общаги

Фауст:

Мир духов рядом, дверь не на запоре...

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

«Учебный год в художественном училище, куда стремился поступить, во что бы то ни стало, – это не то же самое, что учебный год в ненавистой школе. Ничего общего! В образовательной предтече отечественной тюрьмы и птицы не поют, и ноги не идут, и все надежды и мечты зарыты в землю тут. Бесконечна школьная пытка в разнообразном арсенале инструментов которой есть особо изошрённые, такие, как алгебра и геометрия. Но не тут-то было, не поймали! – ликовала Янка. – Я живу теперь в Доме Отдыха Моей Души, в семье, роднее которой не бывает – в художественном училище, где время летит с такой скоростью, что кажется, будто его и вовсе нет ...»

Осоловевшая от непрерывного счастья бытия, она, не мигая, смотрела на проплывающий за трамвайным окном закат, по привычке подперев кулаками ноющие щёки, что болели теперь в конце каждого учебного дня от безудержного смеха. Глядя на багровое небо, Янка невольно складывала в уме его цветовую гамму: «Вверху голубая Фэ Цэ в разбеле, а книзу – киноварь с охрой средней и, пожалуй, можно немножко кадмия лимонного добавить за домами. О, нет. Хватит! Это уже просто мания какая-то – раскладывать всё вокруг на замесь».

Общежитие Художественного училища – «Сообщага» – закрытый, тесный мирок, обитатели которого выделяли собственные праздники, так легкомысленно отброшенные обывателями на обочину общепринятого календаря.

Главным в чреде празднеств значилось 25 мая – День Освобождения Африки. На эту знаменательную дату выпадало окончание всех курсовых экзаменов и годовых просмотров, поэтому студенты, отождествляющие себя с чёрным народом, сбросившим оковы колониального рабства, произносили в этот поистине благословенный День тосты: «За освобождение Чамба и Камбари, Моси и Груси, Ибибио и Джукун!», следя по замусоленной карте, чтобы никто из освобождённых народностей не остался не поздравленным.

Следом шло летнее Народное Гуляние продолжительностью в месяц, под названием – Пленэр. Как все затянувшиеся праздники, весьма утомителен и наиболее насыщен счастливыми воспоминаниями. Например, скачки на этюдниках или всенощное бдение под одним одеялом.

Из осенних наиболее значительным был – «Конец колхоза». Завершение ежегодной студенческой уборочной страды в подшефном хозяйстве, бурно отмечался в перелесках и за стогами, сопровождаясь полным опустошением сельских торговых точек от всего, что пьётся и курится.

«Посвящение в студенты» – с обрядом инициации, апогеем которого являлось всеобщее клеймение дрожащих первокурсников несмысловающимися несколько дней со лбов и щёк чернильными печатями.

Ну и конечно, Святки – окончание первого семестра. Когда наконец-то волнения самой первой и самой трудной в студенческой жизни сессии позади, хотя любимый Новогодний праздник безвозвратно отравлен экзаменами. Кто-то возведён в «одарённые», кто-то безжалостно отчислен. Но экзекуция, слава Богу, окончена – каникулы впереди!

С Рождества до Крещения Общага преобразается до неузнаваемости. Осиное гнездо Ренессансной ботеги, где ваяют маститые мэтры и снуют шустрые подмастерья, грунтуются холсты и дымят кислые щи, обнажённые Деметры и Артемиды после возлежаний на атласе-

бархате бегут курить в кочегарку, наспех укутавшись в заляпанные краской халаты... наконец, пустеет.

Всё замирает, стихает вечный смех и гомон, превращаясь в далёкое эхо. Коридоры становятся огромными, таинственными, гулками. Двери и ступени начинают отчаянно скрипеть, чтобы хоть как-то компенсировать непривычную тишину. Студенты разъезжаются на каникулы. На родном островке остаётся всего несколько аборигенов, сбившихся в маленькое, но отважное племя, стойко отражающее атаки злых демонов скуки.

Наряду с неприятными, но всё же эфемерными духами уныния, в заброшенном замке заметно активизируется кое-кто похуже. К большому сожалению, совсем не эфемерный, а наоборот – огромный, мясистый монстр, под названием Коменда. Эта горластая, неотёсанная бабища – чужеродный элемент живописных студий, оскорбляющий само понятие «искусство». «Проклятие рода Баскервилей», как нежно отзываются о ней художники, вовсе не ощущает себя лишним мазком на палитре жизни, а, как и положено человеку без интеллигентской застенчивости, рьяно несёт контрольно-постовую службу, не щадя сил, времени и всех, кто попадает на её многотрудном пути.

Каждый вечер ровно в девять часов усталая хозяйка запирает свою вотчину на два замка и тяжёлый засов. Патрулируя по коридорам общаги ещё в течение часа, Коменда придирчиво осматривает комнаты, бытовки, тёмные закоулки под лестницами, ища заговор против диктатуры пролетариата.

После тщательного осмотра вверенного помещения, она, как заботливый и неподкупный начальник тюрьмы, уложивший спать уголовников, вздохнёт спокойно:

– Всё! Сегодня уркаганы больше ни кого не покалечат и не убьют, – и отправится на покой в персональную VIP-камеру, чтобы оприходовать с устатку лекарственный четок и забыться праведным сном.

Общага, замерев от напряжения, вслушивается. Вот он долгожданный, желанный, могучий – ХРРАП! Сигнал начала другой жизни – тайной, ночной. Осторожные шаги. Неопознанные тени. ШШШ... Шелест. Шорох. Шёпот.

Девушки снимают с себя серьги, цепочки, заколки... все мелкие детали хитрого дамского туалета, давя эмоции и возбуждение. Лора и Гульнур, будучи хозяйками каморки (когда Коменда спит, конечно), деловито выдвигают на середину колченогий казенный стол, зажигают свечи, открывают примороженные форточки.

Командующим шаманом, как всегда, избрана всеми уважаемая Большая Мать, строгая, но справедливая. Крупной, осанистой фигурой, низким, грудным голосом, спокойной уверенностью внушает всеобщее уважение, и выглядит мудрее однокурсниц на целую жизнь.

– Зден, глянь, дверь хорошо закрыта? Янку больше нет смысла ждать. Мама, наверное, не отпустила.

– Да проверяла уже, сколько ж можно.

– Лор, добавь воды в таз и поставь его на стол. Все готовы к общению с духами?

Затаив дыхание, девушки сгрудились у стола. Большая Мать быстрым, точным движением нарисовала стрелочку на крошечном, фаянсовом блюде.

– Сосредоточились! Кто засмеётся – убью!

Спорить с Большой Матерью никто не решился. Внутри у всех будто моторчик заколотился. Словно маленький чертёнок заметался от необъяснимого страха к припадку истерического смеха. Но, помня твёрдое обещание Большой Матери, девушки старались не выказывать эмоций. Особенно трудно было сдерживаться смешливой Гульнур.

В глазах гадалщиц отражались свечи, а похолодевшие пальцы дрожали над блюдцем.

– Кого вызывать будем? – поинтересовалась хрупкая Зденка, казавшаяся в своей белой ночнушке прозрачной снегурочкой.

– Ну, есть у тебя какой-нибудь кумир на примете, с кем бы ты мечтала поговорить?

– Крамской! Иван-Николаевич, конечно, – смутившись, выпалила зардевшаяся Зденка. Ведь за стеной, по-соседству, вздыхал о ней Хромцов, прозванный за яркий талант Крамским.

Но ни Крамской, ни Илья Ефимович Репин, ни Павел Андреевич Федотов, ни другие знаменитые живописцы не желали контактировать со своими почитательницами.

– А может, Врубеля? – прогнусавила прыщавая молчунья Нюся. Услышать её голос никто не ожидал, поэтому все невольно вздрогнули и уставились, как на говорящую мебель.

– Случилось чудо! Оно ещё и говорить умеет! – хрипло пробасила Лора, центровая девушка села Потрошилово, полная противоположность флегматичной Нюси.

– Ой, нет, девочки, не надо Врубеля. Я тут про него по Истории Искусств реферат писала. Так он – ужас что! – примирительно затараторила Гульнур – единственная подруга Нюси, таскающая её за собой на тусовки, как безмолвную тень, – Он, представляете, был одержим своим Демоном, а когда писал, то постоянно слышал его пение, пока совсем не того...

– Тогда стопудово надо именно Врубеля звать, раз он ещё при жизни с чертями водился, – с характерным наездом настаивала Лора.

– Дети мои, вы забыли, что с вами профессионал. Гуль, неси кружку с воском. Мы его сейчас так заведём, что он как миленький явится вместе с Демоном, – авторитетно заявила Большая Мать, не обращая внимания на испуганный взгляд Гульнур.

Велев всем поставить пальцы над тарелочкой, вливая воск тонкой струйкой в воду, начала колдовать:

Духи Воска и Огня,
Погадайте на меня.
С ледяною водой обнимитесь,
И моею судьбой поделитесь.
Все четыре ветра,
Со всего света,
Не воротами –
Приворотами,
Облетите мир иной,

И поставьте предо мной Дух художника Михаила Александровича Врубеля, – Большая Мать до предела повысила тревожные нотки в голосе, – Дух, приди к нам! Михаил Александрович, если Вы с нами, дайте знак.

В эту самую секунду что-то разительно изменилось в самой атмосфере. Вода в тазу качнулась, и застывшие восковые капли столкнулись со странным мягким стуком. Качнулся под ногами и тут же встал на место пол. Фарфоровое блюдо дрогнуло и поехало, обжигая пальцы. Ледяной ветер, пробежавшийся по комнате, обдал всех единым порывом и задул все свечи разом. Вдруг жуткая неведомая сила, вопреки законам природы и здравому смыслу, выплеснула холодную чёрную воду прямо в лица гадалыщицам.

От неожиданности девчонки с визгом вскочили. С грохотом попадали стулья. Затрясся, заходил ходуном стол. В ужасе девушки смотрели, как к белому окну медленно приближается огромная, чётко очерченная тень. Под всеобщее: «Ах!», тёмный силуэт поднял руку и тихонько постучал... Стук. Стук-стук. От этого слабого, гнетущего душу звука всем стало как-то особенно жутко и тошно.

После секундного оцепенения раздался дружный рёв, началась паника. Судорожно хватаясь друг за друга, девушки живым клубком пытались штурмовать ветхий шкаф. Запинаясь и падая в темноте, стремились уползти под кровати. Нюся обречённо завывала, крепко зажав себе рот обеими руками. В душе она продолжала бояться Коменду больше чем любое привидение.

Но Дух Михаила Александровича оказался на редкость проворен. Уже в следующую минуту в коридоре послышалась тяжёлая поступь. Разъярённый Дух стал настойчиво дёргать и тарабанить в хлипкую дверь, готовую слететь с петель. Разбушевался он не на шутку и, свирепо сопя, явно жаждал крови. Когда мятежный Михаил Александрович, окончательно войдя в раж, начал колотить в несчастную дверь ногами, словно гром небесный, раздалось такое знакомое и родное:

– Открывайте, кобыляки чёртовы! Завтра же докладная будет у директора на столе. Я вам покажу, как пьянки с дебоширством устраивать в государственном учреждении. Халды! Всех на улицу повывкидываю, вместе с энтьюдниками вашими.

– КОМЕНДА! – одновременно прошептали Зденка, Нюся и Гульнур, обнявшись, как перед казнью.

Большая Мать отважно включила свет и повелела:

– Лора, иди!

– Да, этой гримзе даже Врубель с Демоном нипочем, – обреченно вздохнула Лора и, достав из заначки сгущёнку, бутылку водки, палку колбасы, как старшая по комнате и умеющая говорить с комендантом на одном языке, пошла успокаивать грозного Духа Общаги.

Не весело было Янке возвращаться домой за полночь. Весь день прошёл в предвкушении намеченного гадания. Чтоб мама Ира отпустила, пришлось зарабатывать очки тщательной уборкой квартиры, демонстрируя безропотную покорность. Но затея неожиданно сорвалась. Подойдя к общежитию, Янка увидела, что окна темны. Боясь ошибиться и нарваться на местное чудовище – Коменду, Янка предварительно кинула в открытую форточку снежок (который и обрызгал гадалщиц, угодив прямо в таз с водой). Тогда, заметив в замороженном окне мелькающие тени, она решила постучать. Но после того как яркая, обличительная речь Коменды сотрясла мироздание, стало ясно, что пора уносить ноги.

О том, что кто-то отопрёт секретный лаз кочегарки, теперь и думать было смешно. В пакете уныло позвякивало невостребованное пиво. «Странно, – размышляла Янка, – с чего это Коменда так взбеленилась, может, снежок ей в глаз попал? Хоть бы!». А по ночному небу уже вовсю разлилась голубая Фэ Цэ в пастозном замесе с тёмным краплагом и марсом, на сугробы лёг синий кобальт, сверкая кое-где титановыми белилами...

Янка сидела одна на тёмной кухне и смотрела, как пламя свечи исполняет древний танец: «Может, это и хорошо, что покорение общаги сегодня не состоялось. Пиво всё мне досталось с вкусными орешками! Да и свежи ещё неприятные, новогодние воспоминания – прошлое, общаговское приключение, окончившееся трагично». Видимо, весь этот год обещал быть не таким, как все.

Чувствуя, как тоскливое беспокойство овладевает ею, Янка интуитивно потянулась к заветному перстню, отгоняющему печали. Теперь она вообще никогда не расставалась со своим талисманом и носила кольцо на цепочке вместо кулона, как страдалец Фродо из «Властелина колец». Во втором семестре началось «масло», и Янка вынуждена была спасать перстень от лаков и разбавителей. Зато на ладонях теперь темнели несмывающиеся пятна въевшейся краски, как почётный знак принадлежности к избранной касте художников-живописцев.

«Поворотить я и сама могу», – Янка наклонила свечу, и восковые слёзы, пролетая сквозь магическое кольцо, застывали на холодной поверхности воды жемчужной цепочкой. Словно завершив рисунок, капли стали лететь мимо мерцающей фигурки. Подавив удивлённый возглас, Янка вынула из воды восковую стрелку: «Стрела! Опять стрела! Как тогда...»

Глава 8. Слезы Деда Мороза

«Как сильно магия меняет людей!» – вздохнул Гарри Поттер и почесал копытом плавник...

Справлять Новый год договорилась в общаге. Но мама Ира была на взводе уже несколько дней подряд. О том, что она отпустит Янку в общежитие на ночь, и речи не могло быть. Поэтому, клятвенно уверив родительницу в том, что проведёт праздник по-соседству – у Оксаны (Большой Матери), Янка, пока не дошло до выяснения номеров-квартир-телефонов, пулей вылетела из дома.

Они встретились с Большой Матерью у школы, которую благополучно закончили в прошлом году. По традиции, задорно плюнули на порог родного образовательного учреждения, и с чувством выполненного долга отправились в общагу.

То, что свирепая Коменда не собирается покидать своего логова, наивные первокурсницы выяснили только у дверей общежития. С разбитыми надеждами, густо запорошенные снегом, здесь уже стояли Зденка и Цесарский:

– Эй, старушка, сюда не ходи, туда ходи. Снег башка попадёт!

– Что, не пускают?

– Оказывается, Коменда уходит к своей сестре – гадюке номер два, только ближе к двенадцати ночи, и то только после того, как по всем этажам часовых расставит. Так каждый год! – пояснила Зденка. – Раньше бы нам это знать. Квартиранты наши обратно на свои хаты подались. Подтянутся после полуночи. Робик вообще в училище натюрморт дописывает! У самого температура тридцать восемь. Мы его и так звали, и сяк... А он – это для меня лучший праздник – за любимой работой. Так один там и остался. Маньяк!

– Как бы нам ещё не пришлось ему компанию составить. Я лично домой не вернусь! – уверенно заявила Янка.

– Ладно, дети мои, не плачьте! Папа всё устроит, – успокоил всех Бэтмэн-Цесарский. – Щас Гапоша нам ключик от скульптурки вынесет, ему скульптитэр доверяет. Эх, и чтоб вы все без меня делали?

Как из-под земли, вынырнула сутулая фигура Гапона.

– С вами пойду, – пояснил он по дороге – Не могу там. Шум. Гам. Невозможно сосредоточиться. Коменда уйдёт – Талдыбай свиснет, если, конечно, ещё при памяти будет. Золушок наша малопьющий...

– Хромцов не подстрахует?

– Его как с утра старшаки завербовали, так мы его и не видели. Зазвездился.

Здание скульптурной мастерской с примыкающим к ней гаражом и столяркой располагалось напротив общежития. Удачно было и то, что из огромного окна отлично просматривались входные двери общежития, значит, есть возможность следить за тем, когда отчалит комендантша. В целях экономии мастерская на каникулах не отапливалась. Пробивал «колотун». Всё вокруг было засыпано характерной белой пылью. К тому же нельзя было зажигать свет, чтобы не обнаружить место дислокации.

Не раздеваясь, ребята сели на низкие ящики. Сгруппировавшись тесной кучкой, спрятались за учительским столом так, что из окна их почти не было видно. Гапон зажёт свечку, приладив её на ободранный табурет, заменяющий праздничный стол. Затем, как ширмой, загородил огонёк большой поздравительной открыткой. Достал из карманов четыре яблока и горсть шоколадных конфет. Самую большую конфету Гапон многозначительно протянул Зденке.

– Заботливый ты, братка! – восхитился Цесарский.

– Неужто наш профессор тоже в Зденку втрескался, – шепнула в Янкино ухо Большая Мать – Ну, всё, прощай трактат! Философия будет похерена.

Выяснилось, что у всех, кроме Зденки, с собой имеется по бутылке шампанского. Решено было начинать греться сразу, а не дожидаться талдыбаевского свистка.

На высоких скульптурных столах стояли незавершённые глиняные планшетки – контрольные работы за первый семестр. Где-то в самом тёмном углу, рядом с длинными ваннами, заполненными глиной, едва виднелась и Янкина планшетка с недолепленным рельефом. Ритм одинаковых прямоугольников, возвышающихся в темноте, придавал мастерской жуткий кладбищенский вид. Временами на компанию нападавал нервный смех. Тогда Гапон начинал на всех цыкать, делая «страшные» глаза. От этого хохот становился истерическим. Все зажимали рты себе и друг другу и, производя ещё больше шума, падали с ящиков.

Большая Мать мастерски откупоривала шампанское, которое пришлось пить обходясь без хрустальных фужеров. После второй бутылки училищный актив в лице Цесарского вспомнил, что в новогоднюю ночь необходимо произнести праздничный тост.

– Без тоста – просто пьянка, а с тостом – мероприятие!

Цесарский повернулся к скульптурным станкам-надгробиям и, как будто обращаясь ко всей группе, начал свой многословный спич, избобилующий надёрганными невесть откуда цитатами:

– Я английский Санта Клаус, от меня вам Микки Маус! Помятуя, что тостующий пьёт до дна, разрешите от души тостануть. Мажора всем – на отрыв башки! Чтоб, как говорится, не было потом мучительно больно за безразвратно прожитые годы! Проновогодиться всем и экзамены, конечно, сдать.

Деду скажу, – Цесарский понизил голос и мрачно кивнул планшетке Тараса Григорьевича, – я с вас бесуюся! – Далее тостующий прошёлся по персоналиям, стоящих в ряд барельефов, – Это кой-то там сидит, дикалонами смердит? Армен! Наша Джага-Джага в самом расцвете сил, на тебя последняя надежда. Спасай страну от демографического кризиса! Женщин тебе побольше, хороших и разных! Что б на всех харизмы хватило.

Так. Робик. У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба! Ну, ты меня понял, все бабы-дуры, счастье в труде! Такова наша с тобой тяжёлая доля. Крепись.

Шмындрик, гей ли ты еси, добрый молодец? Помни, друг познаётся в биде. Предохраняйся.

Нюся! Не прикидывайся дохлой бабочкой! Как сказал бы Немирович, он же Данченко: НЕ ВЕРЮ!

Талдыбай, родной! Где ты? Неужто забыл о нас навсегда? Эх, каким ты был, таким ты и остался, орёл степной, казах-х лихой! Товарищ Талдыбаев, желаю всего-всего: мыла душистого и полотенца пушистого, и зубной порошок, и густой гребешок. «Тайда» тебе с отбеливателем и кондиционером.

Наконец, Цесарский обратился не к воображаемому, а к реальным собутыльникам:

– Зденка, оставайся всегда такой же трогательной, что так и хочется всегда потрогать, потрогать, потрогать, потрогать... Не верьте, что я говорю по пластинке... щщик, по пластинке... щщик, по пластинке... щщик...

– Слышь, Цес, кончай. Мы замёрзли!

– О братане Гапоне, хотелось бы сказать научнообразно, – как назло, с ещё большим энтузиазмом продолжал словоохотливый Цесарский, – вспомнить золотые аксиомы философии: фигня война, главное – манёвры, бери больше, кидай дальше и тэ-дэ. Надеемся, что очень скоро, буквально лет через шестьдесят – семьдесят, братан наваяет столько трактатов, что мало не покажется, а пока более надеемся, что он не напускал слюней в общую бутылку.

– Не томи, Цесарик, шампанское выдыхается!

– Эх, Маманя, – с теплотой в голосе обратился Цесарский к Большой Матери, – нам ли жить в печали! Искренне желаю те только одного – К грудям не подпушай!

Янка в тревоге ждала, что выдаст непредсказуемый тамада о её персоне, которую он, видимо, решил оставить на закуску, наконец, очередь дошла и до неё:

– Янчик, запомни, чистая совесть – это лишь результат плохой памяти. Так что не мучайся, ни у кого её нет кристально чистенькой, разве что у Талдыбая после стеклоочистителя и у Деда по причине склероза. Вот те крест во всё пузо!

Внутри у Янки всё похолодело: «Как он, этот клоун и непревзойдённое трепло, мог догадаться о том, что скрываю от всех, даже от себя гоню, об этом мучительном, необъяснимом чувстве вины?!»

Ужасное подозрение о том, что она, Янка – причина череды смертей, многократно усилилось после злосчастного летнего отдыха в Ярцево. Её периодически мучил кошмарный сон, в котором она в белой «Волге» в обнимку с Вадей летит с обрыва в Солёное озеро. «Цесарскому легко трещать – из-за него никто не умирал! Рисует жизнь, как комикс или карикатуру...»

– Цесарский, много текста!

– Короче, хочу пожелать вам до фига счастья светлого, как ящик пива! – как ни в чём не бывало, беззаботно вещал тамада, – За сбывчу мечт! Дауайте уыпьем! Вот такой будет мой очень короткий английский тост.

После того, как шампанское дважды прошло по кругу, Цесарский, обнаруживший в себе талант профессионального затейника, с энтузиазмом провозгласил:

– А сейчас дискотека! Внимание, врубаю трындычиху. – Он включил музыку на своём мобильном телефоне.

Канкан танцевали несколько раз, не вставая с ящиков, просто одновременно задирали ноги, разрушая замороженную застылость. Но, когда мобильник Цесарского грянул зажигательное аргентинское танго, никто, даже чопорный Гапон, не мог усидеть на месте. Танго можно было бы вполне назвать классическим, если бы оно не исполнялось танцорами, не вставая с колен. Впоследствии танец вошёл в училищный фольклор, как «Танго на карачках».

Неожиданно Цесарский рухнул на ледяной пол, закрыв собой мерцающий голубой огонёк телефона, и мёртвой хваткой прижав к себе Зденку:

– Тихо!

За огромным, как магазинная витрина, окном стояла та, кого в этот момент хотелось видеть меньше всего на свете – Коменда. Вытянув шею, как гадюка перед прыжком, она подозрительно всматривалась в пространство «скульптурки». Гапон пальцами затушил маленькое свечное пламя. Медленно текли страшные минуты. Диверсанты старались дышать в пол, чтобы не было видно белого пара. От выпитого или от страха щёки пылали. Коменда, как тигрица на охоте, дважды медленно обошла здание, вынюхивая добычу.

– Гапоша, ты дверь запер? – прошелестела Большая Мать.

– Вроде...

Несколько раз дёрнулась входная дверь. Глухо стучащие в унисон сердца разом ухнули вниз.

Наконец, Коменда нехотя удалилась в темноту. Глаза, возникшие в ту же секунду над крышкой стола, следили за траекторией её движения с нескрываемым удовольствием.

– Так, быстро убирайте всё!

– Бутылки не забудьте!

Большая Мать, схватив открытку и свечной огарок, тщательно отскребала от табурета воск. Янка собирала фантики. Парни расставляли по местам ящики. Намереваясь быстрее перебазироваться в тёплые и светлые общаговские кельи, отряд моментально привёл мастерскую в первоначальный вид.

Вопреки нелестным предположениям, Талдыбаев был не только трезв, но и накрыл удивительно красивый стол. Новогодний букет из душистых еловых веток, салаты и красные яблоки на белой скатерти, после «банкета» в холодной и грязной «скульптурке», роднили ужин с королевской трапезой.

Когда ребята с радостными воплями ввалились в комнату, Талдыбаев в ужасе всплеснул руками. Все вошедшие были покрыты слоем глиняной пыли. Особенно чистоплотного хозяина возмутили ноги гостей:

- Эюд ту ю мать! Вы кувыркались, что ли, на полу?
- Талдыбай, ты даже не представляешь, как ты прав!
- На улицу все! Быстро! И отряхивайтесь, как следует. Руки не забудьте помыть!
- Яволь, Мальвина Талдыбаевна!

Компания едва поспела к поздравлению президента, выглядывающего из крохотного, похожего на шкатулку, переносного телевизора. Под бой курантов Янка не загадала себе ни быстрого похудения, ни шубы, как у Большой Матери, ни пятёрки на экзамене по живописи, ни поездки в Питер. Взбудораженная странным, пронизательным тостом Цесарского, она вдруг в отчаянии взмолилась: «Господи, скажи, есть ли моя вина в том, что умирают люди, которым я в порыве гнева желала смерти? Почему всегда помню об этом? Почему совесть моя болит? Дай знак! И ещё любви! Дай любви, хоть какой-нибудь!»

К часу ночи объявились Шмындрик с закутанной в одеяло кастрюлькой, Перепёлкин и Армен с джентльменскими наборами: по коньяку и коробке конфет. Словно почувствовав,

что Воплощённая Мечта ждёт его в родимой каморке, с бенгальскими огнями и хлопушками ворвался неистовый аполлоноподобный Хромцов.

– Как это Вы вспомнили о нас, грешных, господин живописец?

– И как Вам только удалось вырваться из лап поклонниц со старших курсов? – посыпались подколки завистливых однокашников.

– Да там Фантомас разбушевался. Всем миром никак не могут успокоить.

– Опять этот придурок с третьего этажа?

– Это кто у вас такой?

– Есть тут один бешеный, Федя-Терминатор. Как напьётся, так по общаге двери вышибает.

– А потом что?

– Потом плачет, целоваться лезет. Достал!

– Ну, что уж вы так! Он же контуженный, не привык ещё к мирной жизни. А проспится – опять человек.

– Да-а, с кем поведёшься, с тем и наберёшься...

Шмындрик придумал новогоднюю забаву, предлагая всем вынуть из красного мешочка по стеклянному камушку, любой, который понравится на ощупь:

– Это слёзы Деда Мороза, но не от горя, а от радости. Он услышал про себя анекдот и смеялся до слёз. Каждая слезинка со значением. Удачу принесёт!

Зденке досталось розовое сердечко, сулившее успех в любви, что и так всем было хорошо известно. Талдыбаев вынул из мешка совершенно прозрачный кристалл, означающий чистоту помыслов, а может быть, просто чистоту. Хромцов был вознаграждён ярко-красной звездой триумфатора. Перепёлкин вынул из мешка чёрный полумесяц скандала и дурной молвы. Однако местного рок-идола это несколько не напугало, а, похоже, наоборот, обрадовало. Большая Мать удивила всех камнем высокой духовности, напоминающим малиновый леденец. Янкин жребий пал на бирюзовый округлый камушек самопознания, точь-в-точь, как самоцвет из её заветного перстня. Лора вытянула изумрудный кругляш – «богатство».

– Лорик, это тебе таблетка от жадности, – пояснил Цесарский.

Строгий блюститель санитарных норм Талдыбаев не позволял курить даже на лестнице и выгонял всех на улицу:

– И смотрите там, хвоста за собой не приведите. Терминатор не дремлет! Припрётся – до утра будем нянчиться.

Заядлый курильщик Цесарский, из желания хоть чем-то досадить коварной Зденке, нежно воркующей с Хромцовым, стал демонстративно оказывать Большой Матери повышенное внимание и, выходя подымить, надевал её роскошную норковую шубу. После очередного перекура, снимая мантию, Цесарский вместе с зажигалкой извлёк из кармана спрятанные и забытые там улики: свечной огарок с яркой открыткой. Пробежал глазами текст и взорвался напыщенным, цирковым конферансом:

– Внимание! Внимание! Достопочтимая публика! Приглашаем вас на Новогоднее Шоу «Тайны магии»! В программе: фокусники – чародеи, клоуны – ясновидцы, маги – иллюзионисты. И специально приглашённый гость, лауреат всевозможных премий, ЗНАМЕНИТЫЙ ГИПНОТИЗЁР – ИГОРЬ АГАФОНОВ! Аплодисменты!

– Как?!

– Это ж наш Гапон!!!

Оглушённая сюрпризом, публика переводила взгляды то на пёструю контрамарку, поднятую Цесарским над головой, то на Гапона, оказавшегося специально приглашённым лауреатом.

Гвоздь программы, не меняя угрюмо сутулой позы, меланхолично усмехнулся:

– Цес, к чему этот фарс? Успокойся. Приглашаю всех на выступление в Дэ Ка «Сибэnergомаш».

Но возбуждённая компания не слушала объяснений, а с жаром продолжала третировать несчастного Гапона:

– Ах, вот кто есть ху!

– О-о, экстрасекс!

– Гапоша, загнипнотизируй экзаменационную комиссию. Пусть нам всем пятёрки поставят!

– Ага, догонят и ещё раз поставят.

– А ты меня можешь прям сейчас заэтосамывать? – настаивала Лора.

– Покажи, братан! – голосили вокруг, – Ну, пожалуйста!

Замученный повышенным вниманием, Гапон долго и безуспешно отбивался от восторженных ценителей:

– НЕЕ-ЕТ! Речи не может быть! К тому же я сегодня спиртное пил. Нельзя. Не могу. Нет-нет.

Но хитроумный интриган Цесарский выдвинул гипотезу, которая заинтересовала самого чародея:

– Я читал, что когда любого находящегося под гипнозом просят нарисовать человека, то он рисует, непременно, только себя самого. Проверим?

– Ну, что ж...

– Для чистоты эксперимента выдвигаю кандидатуру Хромцова. Он-то с любым портретом точно справится! Да, и Зденку. Она тоже с недавнего времени предпочитает портретный жанр, – предложил мстительный Цесарский, припомнив как льнёт к общепризнанному герою принцесса мужских сердец... и после короткой паузы неожиданно продолжил:

– И Янку ещё!

– Ну, спасибо тебе, брат, за доверие! Потом поймаем...

– Гад ты, Цесарик, редкий, из террариума!

– Дорогая, это производственная необходимость. Сугубо ради чистоты эксперимента. Так сказать, контрольный выстрел.

Стол отодвинули в угол. Зрители рассредоточились по периметру. Янку, Зденку и Хромцова усадили на стулья посередине комнаты. Гипнотизёр сел напротив, несколько минут сосредоточенно смотрел в пол, затем, сняв толстые очки, медленно поднял тяжёлый взгляд.

– Хорошо ли вам видно меня, бандерлоги? – гундосо встрял в выступление Цесарский.

– Так, всё. Ни слова больше!

Гапон за считанные секунды ввёл пациентов в глубокий транс... – и праздник удался! Глядя прямо перед собой пластмассовыми глазами – пуговицами, Хромцов и Зденка безропотно выполняли команды «кукловода». Янка тоже впала в беспамятство, но ни на что не реагировала, даже не разомкнула век. Публика веселилась от души. Сначала подопытные собирали ягоды на лесной полянке, ползая по затоптанному полу. Купались в тёплом озере, раздевшись до нижнего белья.

– Только не надо здесь реалити-шоу устраивать! Это пошло! – Возмутилась Большая Мать.

Но остальным зрителям представление явно понравилось. В образе Наташи Ростовской кружилась невесомая Зденка с поручиком Хромцовым на балу в быстром вальсе. Затем окостеневшего Хромцова положили на спинки стульев, подставив одну под голову, а другую под пятки. Как на деревянную скамью на него уселось сразу четыре человека, но тело нисколько не прогнулось. Под испуганные ахи-охи на хромцовском животе попрыгал увесистый Армен.

Наконец, Гапон выдал подопытным планшеты, бумагу, карандаши и приказал нарисовать человека. Янкин лист так и остался белым. Зато Хромцов блестяще справился с заданием,

подтвердив предположение Цесарского. На автопортрете художник выглядел даже живее, чем в данный момент, в замороженном сомнамбулическом состоянии. Но, белоснежная блондинка Зденка изобразила себя черноволосой девушкой в платье девятнадцатого века и подписала внизу: «Nathalie. An. 1812». Гипнотизёр вдруг заметно смутился:

– Ой, совсем забыл, извините. Ты больше не Наташа Ростова. Ты – снова Зденка.

Раз. Два. Ваши руки тяжелеют. Три. Всё ваше тело словно наливается свинцом. Вы спите. Пять. Вы будете слышать только мой голос... только мой голос...

Но Янка перестала слышать вообще: «Может, это из-за свиста в ушах? Какой сильный ветер! Лицо леденеет. Особенно губы. Волосы треплет. Пряди, как сосульки, стучат друг о друга. Меня несёт куда-то. Как угораздило попасть в такой вихрь? Нет же, это я сама лечу! Гладкое стальное тело». Янка со страхом осознавала, что такого темпа она никогда в жизни не развивала: «Эти светящиеся дорожки – звёзды и планеты. Их свет вытягивается яркими нитями из-за моей невообразимой скорости. Откуда золотое свечение передо мной? Свет идёт от меня!» Внезапно к Янке пришло четкое осознание: «Я – стрела. Золотая стрела! Лечу. Ищу цель. Моя цель – искать цель. Пронзить и уничтожить!»

Медленно к телу возвращаются тепло и чувства. Вдруг покой нарушает резкий треск, крики. Грохот, как будто упал шкаф. Нарастает раздражение: «Где этот проклятый будильник? Как только смогу поднять руку, разобью об стену!» В глаза больно бьёт резкий свет. В дверном проёме колышется, как через мутную воду, размытый силуэт. Злые голоса.

– Терминатор пожаловали. Собственной персоной. Ура...

– Федя, чего не спишь, налоги не заплатил?

– Федя, Федя, пошли домой! В кроватку.

– Да держись ты!

– I'LL BE BACK!

«Сильно пьяный парень едва держится на нетвёрдых ногах. «Какая страшная, безумная улыбка! Нет! Я же стрела. Стрела! Сквозь него пролетела. Ведь стрелы не могут тормозить...»

Федя-Терминатор резко согнулся, словно простреленный навывлет, зажав ладонями невидимую рану. Пошатнувшись, он грузно, как тяжёлый мешок с картошкой, рухнул на пол.

Первое, необычно тёплое утро нового года принесло трагическое смятение в счастливый мирок маленького «Монмартра». Фосфорно-жёлтая «Газель» реанимации беспрепятственно неслась по заснеженным, пустынным улицам, уставшего от праздника городка. Сирена в истерике резала криком сонную тишину. Как не старались водитель и опытная бригада, но коротко стриженного студента с татуировкой ДМБ до больницы довезти так и не удалось. Тяжёлое алкогольное отравление – обычный новогодний диагноз.

Помятое, ватное небо равнодушно сыпало на удивлённые улицы своё последнее, белое конфетти. Снежинки садились на чёрные ветки деревьев и превращались в мелкие прозрачные капельки – настоящие слёзы Деда Мороза.

Глава 9. День влюблённых

*...Но если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится.
Твои шаги я стану различать среди тысяч других...
Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»*

Ещё в средней школе Янка поставила себе задачу – научиться курить по-настоящему. Это давало множество преимуществ перед некурящими одногодками. Во-первых, открывались перспективы знакомств и общения на равных с огромным количеством интересных, взрослых людей. Во-вторых, нежно сжимая дорогую, тонкую сигарету густо накрашенными губами, выглядеть загадочно и чуть-чуть порочно, как шикарная соседка-костюмерша с пятого этажа. Но главное – возможность обретения своего круга, а может, и своего человека.

Сначала Янка силой заставляла себя глотать горький дым и терпеть неприятный привкус во рту, преодолевая тошноту, головокружение и страх получить рак горла. Её попытка избавиться от одиночества, казавшаяся поначалу игрой, незаметно перешла в зависимость во вред здоровью и красоте.

Но тогда ей казалось, что она причастна к великой тайне, объединившей секту избранных. Непреодолимая тяга к курительным палочкам гнала юных жриц вершить магические ритуалы в чужие тёмные дворы, за зловещие гаражи, на оплёванные детсадовские веранды. Как и все закрытые сообщества, культ имел зашифрованный язык. «Пойдём покурим, – звучало, как: – Пойдём в библиотеку».

- Есть что почитать (покурить)?
- Про что у тебя книжка (какие у тебя сигареты)?
- У меня о Петре Первом для младших школьников (сигареты «Пётр 1» – лёгкие).
- А хоть одна статейка (сигаретка) про «Парламент» не завалялась, случайно?

Наступило 14 февраля – День Святого Валентина. Сегодня всё было хорошо. Особенно радовали отсутствие родственников в субботний вечер и принесённый Зденкой ликёр с привкусом шоколада. Большая Мать настряпала целый таз ароматных булок. Да и парочка смешных неразлучников – Гульнур с Нюсей – были приятной ненавязчивой компанией.

Днём парни из группы подарили всем девушкам разноцветные открытки-сердечки с дружескими шаржами. Сохранив портретное сходство, авторы усилили характерные и непривлекательные черты некоторых сокурсниц. Лора выглядела особенно узнаваемой. Ревностно оберегая огромную кучу полупустых тюбиков, банок с красками и грязных палитр, она сидела, широко растопырив ножищи с огромными ступнями (а размерчик у неё, точно, сорок первый).

Портрет Нюси являл миру нечто амёбное с бесцветными полужакрытыми глазами, с губами, как две напозающие друг на друга толстые гусеницы. При взгляде на этот шедевр Янка сразу вспомнила как злобная Коменда, органически не терпящая замедленного темпа Нюсиной жизни, каждый раз обращалась к ней с одним и тем же вопросом: «Тебя, видать, когда родители делали, сильно спать хотели?» Карикатура на Большую Мать в образе Верки Сердючки тоже, как говорится, была – «не в бровь, а в глаз».

Янке льстило, что её портрет, по сравнению с другими, выглядел гораздо привлекательнее. Это был явный показатель доброжелательного отношения к ней мужской половины группы. Лишь причёска из разноцветных перьев указывала на некий перебор в её желании выделиться на фоне серых будней.

Узорный малиновый шарф Гульнур, наброшенный на настольную лампу, создавал в комнате интимный полумрак и располагал к откровениям. Белоснежная фея – Зденка с едким сарказмом, не украшающим белоснежных фей, стала хвастливо расписывать, как в очередной

раз столкнула противоборствующие отряды поклонников готовых сложить головы за право её поздравить. Все вокруг и так знали, что любовные sms-ки, букеты, подарки и неусыпное мужское внимание, то есть все, о чём мечтают девушки, окружает Зденку в избытке. Поэтому, нарочито перебивая самодовольное щебетание белоснежной феи, девушки обсуждали свежие училищные сплетни, акцентируя их безусловную важность по отношению к загубленным судьбам обречённых Зденкиных воздыхателей.

- Слыхали, наш ловелас Ван Гоги обхаживает новенькую натурщицу?
- Очередная страшная лошадь горячего джигита?
- Да, набор стандартный: балерина на пенсии, морда длинная, грудь вообще не носит.
- Ножки то-онкие, а жить так хочется! И курит, курит, курит...
- Кстати, а пойду-ка-ся-ка я, покурю-ка-ся-ка я.

Пушистики снежного хлопка бесшумно сыпались из бездонного небесного ведра. Вечер, наполненный поэзией и предчувствием чуда, закружил вдохновенных Муз жаждущих приключений и любви.

Все дороги вели «Под Арку». Этот тесный дворик за центральным кинотеатром с незапамятных времён был местом поэтапного паломничества сначала стилияг, волосатого андеграунда в клёсах, а позднее позвякивающих, канувших в историю металлистов, разноцветных панков, кожаных байкеров, любителей хип-хопа в бесстыже приспущенных, широченных штанах и прочих борцов за свободу личности. В среде городской молодёжи сформировался критерий «неформальности»: ходишь «Под Арку», значит, не лох, не гопник, а реально прикольный пацан.

Перед самым входом под священные арочные своды отряд бесстрашных амазонок наткнулся на желанную добычу – хорошо упакованных юношей. Девушки вальжно достали сигареты, началась весёлая пикировка.

- От чего, девушки, курим? Жизнь тяжёлая?
- Мы не взятяжку.
- Ну, смотрите, а то щёчки пожелтеют, зубки выпадут.

Живой интерес мужской компании, как обычно, полностью сосредоточился на Зденке. Безмолвная Нюся, наверняка, стала бы лютым Зденкиным врагом, но не была способна на сильные чувства. Вместо крови по русалочьим Нюсиным жилам текла вязкая, белая слизь, поэтому, апогеем презрения было то, что она больше обычного оттопырила губы-вареники и отвернулась с напускным равнодушием.

Не в силах сдерживать никотиновый голод, Янка не стала стоять в высокомерно-выжидательной позе, как Зденка – звезда светских раутов, принуждая сразу нескольких парней поднести зажигалки к её сигарете, а ловко подкурила, мастерски спрятав огонёк в ладонях, как делают курильщики со стажем.

В компании начались привычные петушинные бои за драгоценное внимание Зденки. Парни изо всех сил пытались удивить красавицу: демонстрировали приёмы неизвестных единоборств, наперебой рассказывали анекдоты и случаи из жизни, иллюстрирующие их крутость. Счастливчик удастаивался неизменного: «О, вещ-щь!». Любимая фраза Зденки, произносимая с драматическим придыханием, выражала одобрение и благосклонность. После каждой «вещи» в водянистом, рыбьем взгляде Нюси сквозило нечто отдалённо напоминающее обиду.

Вдруг кто-то, незаметно подойдя сзади, крепко сжал Янкины руки в локтях, не давая ей возможности повернуться. Янку ужасно разозлили глупое положение и бесцеремонное обращение. Но захватчик неожиданно отпустил её. Резко повернувшись, Янка в отместку целенаправленно выдохнула сигаретный дым прямо в лицо обидчику.

Седые кудели дыма таяли, как в кадрах замедленной киносъёмки, постепенно проявляя черты. Из глубин иного измерения неотвратимо надвигались на Янку неземные глаза-звёзды.

Время остановилось. Необъяснимое магнитное воздействие нарастало, как нагревается включённая конфорка, как закипает чайник, как разгораются сухие поленья. По венам поплыл горячий, расплавленный воск, и... УДАР!!! И словно молния пронзила Янку миллиардами раскалённых солнечных иголочек, единым потоком прошла всю её насквозь, а, достигнув земли, вернулась обратно золотой волной и непостижимым образом ушла в бесконечное небо...

Придя в себя от потрясения, Янка с удивлением поняла, что ни один человек даже не догадывался о том, что произошло. Юноши продолжали конкурс «Кто больше всех понравится Зденке?» Большая Мать, отбив жертву от стада, пленила самого высокого и статного парня, обречённого теперь на вечный матриархат. Неразлучная парочка так же не поменяла привычных занятий: Гульнур залиvisto хохотала, а Нюся пребывала в анабиозе.

Никто не заметил армады микроскопических взрывов, влетевших в Янку и вернувшихся в космическое пространство. Никто, кроме него. Спихватившись, Янка постаралась скорее стряхнуть с лица выражение папуаски, увидевшей будильник. Неожиданно для самой себя, выпалила:

– А... тебя как зовут? – услышав, насколько нелепо звучит вопрос, Янка к тому же не узнала собственного голоса, что казался теперь особенно противным.

Однако её привычные самоуничижительные мысли прервало ещё одно удивительное наблюдение: «Какой необычный цвет глаз! Они ведь жёлтые! Так не бывает! Ну, допустим, это цветные линзы, но почему они ещё и лучатся?».

– Меня не зовут, сам прихожу.

Обладатель неземных глаз уверенно взял Янку за руку и, ничего никому не объясняя, увёл со двора, как хозяин свою послушную корову.

Они шли по мокрому февральскому снегу, обнявшись, будто знали друг друга всю жизнь. Янке, ещё не вышедшей из транса, казалось, что они лишь притворяются, а на самом деле не идут, а, как два воздушных шарика, парят близко к земле, едва касаясь её ногами. Изредка Янка с любопытством косила на «чудо чудное», подмечая новые восхитительные подробности. Модная куртка. Добротные ботинки на толстой подошве. Пальцы длинные и тонкие. О, Боже, а какая красивая, правильная линия носа с едва заметной горбинкой!

Будто вспомнив, что забыл представиться, юноша повернулся, игриво изображая сдержанную учтивость президента на дипломатическом приёме, крепко пожал Янкину руку:

– Агранович Александр. Агранович – фамилиё моё.

– Яна, – еле слышно прошептала она в ответ, невольно отметив: «Надо же, у красивых людей и фамилии красивые!»

Она вдруг ясно осознала, что до этого момента была лишь потерянным котёнком, брошенным на выживание. Только сейчас, внутри его тёплой ладони, она, наконец-то, дома.

Её будто подхватил сказочный вихрь и понёс в ведомом только ему направлении. Агранович шутя толкал Янку в сугроб и тут же поддерживал, не давая упасть. То кружил, как ребёнка, и оба со смехом валились в снег. Они барахтались, мешая друг другу подняться, пока не стали похожи на два снеговика. В пылу «сражения» Янка стянула с Аграновича пушистую шапку и чуть не ахнула. Он оказался платиновым блондином. От его длинных волнистых волос исходило нереальное лунное сияние. Янке, напротив, всегда нравились темноволосые юноши, но Агранович в один момент поменял её пристрастия.

Забежав в какой-то помпезный, похожий на музей, подъезд, стали без долгих предисловий жадно целоваться, тая у тёплой батареи. Но вскоре были репрессированы и высланы прочь злобной блюстительницей правопорядка, образца 1937 года.

Долго прощались у дверей Янкиной квартиры, как прошедшие войну однополчане. Всё это время, опасаясь вновь встретиться с магией волшебного взгляда и получить парализующий

разряд, девушка не могла осмелиться поднять глаза. Янка без того подозревала, что мышеловка захлопнулась, и она крепко влипла. Похоже, навсегда.

– Хочешь, фокус покажу?

– Ну, давай, – ответила Янка, не представляя, чего ещё ожидать от самого загадочного из всех кого она когда-либо встречала. Агранович положил на тыльную сторону ладони спичечный коробок, который, по необъяснимым причинам, вдруг стал плавно передвигаться и переворачиваться сам собой. Янка вытаращила глаза, но, по большому счёту, у неё сегодня уже не было сил как следует удивиться.

– А как это?

– По-разному, кнутом и пряником. Но если к нему с лаской, – и Агранович осторожно погладил коробок, – он и песенку споёт: «Если у вас нету тёщи, её не отравит сосед...» Хочешь послушать? Говори телефон.

Янка продиктовала свой, домашний номер, запоминавшийся всем с первого раза (мобильник она посеяла ещё сто лет назад):

– А у тебя какой телефон?

– У меня-то? Да китаец престарелый.

Может показаться, что дорога проходит в зарослях кустарника. Янка знает – это не так. По обе стороны узкой извилистой тропинки – глубокие пропасти, а эти корявые ветки с редкой листвой – верхушки деревьев, растущих глубоко на дне. Хмурая гризайль неба кишит вороньём.

Вот уже виднеются стрельчатые силуэты башенок замка. Янка бесстрашно идёт по давно изученному пути. Смешанное чувство страха, любопытства и необъяснимого томления влечёт её сюда. Каждый раз, очутившись в этом унылом, странном месте, она забывает, что это только сон, преследующий с самого детства. Одна лишь мысль гонит по навесному мосту, к огромным дубовым воротам, в каменное готическое жерло: «Встречу ли Его? Найду ли сегодня?»

Янка вновь вспоминает, как увидела Его впервые. На самом краю нависающей над обрывом скалы чернел зыбкий силуэт. Это он – загадочный хозяин замка. Широкий плащ, словно крыло гигантского ворона, зловеще хлопал на ветру. Острый, по средневековой моде, капюшон скрывал лицо, лишь длинный, изысканный пепельный локон, случайно выбившийся на свет, нарушал траурную торжественность образа.

«Ворота сегодня широко распахнуты, отодвинуты пудовые засовы. Уже – удача! Не придётся, как в прошлый раз, долго попусту слоняться вокруг неприступного замка и возвращаться ни с чем...»

Высокие своды потолка теряются в темноте. Будто выложенные великанами из огромных каменных глыб стены мерцают в свете танцующего огня факелов. Большую часть комнаты занимает широкий подиум, с горой пёстрых ковров, постеленных друг на друга и скрученных валиком вместо подушек. Серебряные блюда, по размеру напоминающие рыцарские щиты, заполнены фруктами и ягодой, расставлены по всему гигантскому ложу. Потрескивают дрова в камине. Бурлит кальян. Тяжёлый, напоённый пьяными ароматами воздух колыхается и обволакивает.

Тихий монолог хозяина замка не понятен, но проникновенный голос пробирает насквозь, заставляет звенеть потаённые струны. Вот только лица не разглядеть – всегда в тени. Украдкой, жадно смотрит Янка на струящиеся волосы цвета полярного льда, на безупречную линию профиля, и... Ух! Сердце обрывается, словно самолёт в воздушную яму.

Не дав волю насладиться общением, он оставил её, приказав никуда не выходить. «Ну, просто, как Синяя Борода!» – возмутилась в душе Янка и, ещё немного повалившись на пушистых коврах, решила нарушить приказ.

Одинаковые узкие коридоры, тускло освещаемые факелами, бесконечно плутают по замку. Вдруг из арочного проёма бьёт в глаза непривычно яркий свет. Тихо-тихо, босиком на цыпочках крадётся Янка по холодным плитам. Трепеща от неясных предчувствий, заглядывает в гулкий, залитый светом зал.

Хозяин стоит спиной перед каменным возвышением, заменяющим обеденный стол. На столе обнажённый человек. О, нет, не человек, а распластанный труп с разодранной кожей, только ноги целы. Там где кончаются рёбра – кровавый провал. Хозяин запускает руку внутрь растерзанного чрева и, вырывая куски мяса, жадно пожирает с плотоядным рычанием.

Девушка в ужасе отшатнулась назад, не в силах сдержать крик. Хозяин медленно поднял голову. Янкины ноги мягко подкосились, она осела на каменный пол, её бросило в холодный пот: «Агранович!!!»

На его красивом узком лице не отразилось ни тени смущения. Насмешливые янтарные глаза смотрели сквозь неё спокойно, так, как смотрят на море. По подбородку стекали тёмные бордовые ручейки.

Глава 10. Ах, мамочка, зачем?

Педагогика – вековечное шарлатанство...

Антон Макаренко

Янка и Агранович договорились встретиться на следующий вечер «Под Аркой». Весь день девушка считала минуты. Две пары «Живописи» тянулись невыносимо долго. При воспоминании об Аграновиче дыхание сбивало привычный ритм, а где-то внутри живота, наверно, там, где помещается душа, начинало сладко и тревожно поднывать.

Перемены, произошедшие с Янкой, одарили её притягательной женственностью, а лицо осветила тайна. Это не ускользнуло от кислого, завистливого взгляда секретарши директора Регины Зиновьевны, звавшейся в миру Резиной.

– Стрельцова, что сияете, как начищенный пятак? Голова одними женихами забита?

Ядовитые поддёржки Резины не могли испортить Янке ожидание сказки. Все в училище хорошо знали, что угрозы Резины – не более чем бессильная злоба старой девы на весь белый свет, оскорбляющий её самым фактом своего существования. Резина была прямой противоположностью самому белокуро-длинноному понятию «секретарша», и всё же в одном она полностью оправдывала своё звание.

Крылатая фраза «секретарь – лицо своего директора» подходила ей, как нельзя кстати. Ну, кто ещё мог так достойно соответствовать директору училища – Виктору Ингиберовичу – Вик-Ингу, похожему больше на матёрого пирата, чем на заслуженного художника с академическим образованием. Но даже рваный шрам, пробороздивший лицо по диагонали, не уродовал его так, как невыносимо склочный характер. Своим всегда внезапным появлением Вик-Инг наводил ужас не только на студентов, но и на коллег. Молодые преподаватели дольше года в училище не задерживались. Студенты не могли запомнить лица всех, часто меняющихся наставников.

Но существовала и старая гвардия – три матёрых предводителя противоборствующих течений. Каждый не раз побывал в директорском кресле. Когда один из них занимал лидирующее положение, двое других, забыв все прежние претензии, тут же объединялись, что бы сбросить самозванца с трона. В ход шли любые средства от мелкого вредительства и кляуз, до судебных разбирательств и ругани с мордобоем. Все три «крестных отца», пожирая друг друга, как ядовитые пауки в одной банке, были удивительным образом связаны: стоило одному из них временно отойти от дел или заболеть – оставшиеся моментально теряли вкус к жизни. Они начинали чахнуть и, глядя на всё с невыразимой тоской, стремительно старели. Вик-Инг, как самый энергичный и властолюбивый диктатор, правил гораздо чаще и дольше остальных.

Проучившись совсем немного, даже самым рассеянным первокурсникам становилось ясно, что весело и хорошо в Альма-матер живётся только студентам, а преподавательский состав находится в перманентном состоянии войны. На школярах баталии отражались на итоговых просмотрах, когда одарёнными и трудолюбивыми признавались воспитанники преподавателя, находящегося в данный момент у власти, всем остальным оценки нещадно занижались, а если кто-то осмеливался быть недовольным, то очень скоро находилась объективная причина для отчисления смутьяна.

Янка до тошноты боялась Вик-Инга. Лишь заслышав шарканье его мохнатых унтов, она замирала за мольбертом, мечтая стать такой же бесцветной молью, как Нюся, и слиться с фоном. Интуитивно чувствуя жертву, Вик-Инг подходил именно к Янке. Гнетущая тень командора нависала над ней, упиваясь властью. Пока один курьёзный случай не научил её справляться со страхом перед Вик-Ингом.

Всё началось с того, что студенты, вынужденные проводить в училище большую часть своей жизни, стали активно одомашнивать родную мастерскую. За ширмой был поставлен стол и две кушетки, а вслед за самодельной плиткой и электрочайником появились: посуда, скатерть, домашние тапочки и часы с кукушкой. Каждый старался украсить свой второй дом милыми, уютными мелочами. Талдыбаев привёз из деревни допотопный проигрыватель и набор старых пластинок, чудом сохранившихся со времён доблестных строителей БАМа. Виниловые раритеты веселили не только «педов», но и дружественную группу отделения дизайна, приходящую в гости к однокурсникам на дополнительные занятия после уроков. Администрация училища, закончив рабочий день, растворялась в другой реальности, представляя студентам вкушать радости творчества без конвоя.

Одно из совместных выполнений домашних зарисовок выдалось особенно буйным. Под жизнеутверждающие, комсомольско-лирические баллады, типа: «...а я по шпалам, опять по шпалам, иду домой по привычке...», ребята ещё держались и продолжали стойко штриховать. Но когда грянули зычные руслановские «Валенки», грифели карандашей дрогнули, забегав поначалу в темпе стокатто, но вскоре дружно полегли в забытьи, брошенные своими, отзывчивыми на настоящее искусство подмастерьями.

Парад-Алле открыл азартный Перепёлкин. Редкий типаж чистого холерика был не в силах сопротивляться всепобеждающему призыву темперамента. «Мужчина – Катастрофа», как называла его Большая Мать, росточком едва доходил до её пышной груди. Несмотря на миниатюрные размеры, Перепёлкин, казалось, до отказа заполнял собой всё помещение и отпрыгивал сразу во все стороны. Он без труда привлёк интерес однокурсников к народным танцам, выделявая ногами кренделя и сверкая цыганскими глазами.

Большая Мать, как всегда, первой поддалась на Перепёлкинские провокации. Помахивая над собой полотенцем, заменяющим платочек, исполненная достоинства и монументальной грации, она закружилась в центре возникшего вокруг неё хоровода. Всё закипело, запрыгало, понеслось, сотрясая тесные стены.

Обезумевший от восторга Хромцов, кружил по всему классу свою драгоценную Зденку. «Говорила мама мне про любовь обманную, да напрасно тратила слова...» – выводил древний «патефон» следующую, не менее зажигательную песню. Армен – настойчиво отвергаемый, но не отчаявшийся, решительно сужал круги вокруг Большой Мамы, явно намереваясь овладеть ею, не прерывая страстного танца.

Тарас Григорьевич, несмотря на солидный возраст и статус старосты, тоже не смог устоять на месте. Совмещая камаринского с гопаком, он пустился вприсядку. Резко подпрыгивая, Тарас Григорьевич потешно выкидывал в стороны руки и ноги, а его знаменитый чуб, прикрывающий лысину, высоко отскакивал от своего владельца, принимая непосредственное участие в искромётной пляске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.